

Федонъ, или о безсмертіи души, *Моисея Мендельсона*. Переводъ съ нѣмецкаго *В. Мызникова*. Изданіе второе. Тифлисъ. 1854.

Мендельсоновъ *Федонъ* въ русскомъ переводѣ достигаетъ втораго вздаиш! Слѣдовательно, первое изданіе (правда, вышедшее оцв въ 1837 года) раскуплено! Это — наленіе утѣшительное въ нашей литературѣ. Г. Мызниковъ прибрѣтаетъ двойное право на благодарность нашу за свой переводъ, когда мы видимъ, что его переводъ сдѣланъ былъ не понапрасну, не остался навѣки въ книжныхъ магазинахъ, какъ другіе переводы и сочиненія подобнаго содержанія, а разошелся въ публикѣ. Объяснимся. Мы радуемся успѣху *Федона* но потому, чтобъ онъ могъ въ наше время считаться основательнымъ трактатомъ о безсмертіи души, а потому, что знакомство съ сочиненіями людей такпхъ чистыхъ и благородныхъ душою, возвышенныхъ по уму и по образу мыслей, какъ Мендольсонъ, приноситъ несомнѣнную пользу читателямъ, хотя бы эти сочиненія уже устарѣли.

Если мы, понимая безпредѣльность разстоянія, отдѣляющаго область пстпнъ сверхъестественныхъ, въ которыя мы вѣримъ, по божескому откровенію, отъ земныхъ истинъ, которыя принадлежать человѣческому разуму, но считаемъ мендельсонова *Федона* способнымъ вполне убѣдить человѣка въ томъ, въ ченъ убѣждаетъ его только откровенное ученіе вѣры, то считаемъ эту книгу полезною и прекрасною по духу благородства и кротости, которымъ проникнута она, какъ и все, что писалъ Мендельсонъ, одинъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ людей своего времени, столь богатаго благородными людьми. Личность Мендельсона, къ сожалѣнію, еще очень мало знакома русской публикѣ, и потому считаемъ бесполезнымъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Мендельсонъ былъ другомъ и сподвижникомъ великаго и благороднаго Лессинга. Этого уже довольно для того, чтобъ обезпечить ему наше уваженіе. Когда, по смерти Лессинга, Якоби началъ чернить его, Мендельсонъ былъ такъ взволнованъ клеветою на образъ мыслей своего покойнаго друга, что это огорченіе, соединенное съ усиленною работою надъ сочиненіемъ, которое бы оправдало великаго мыслителя, было главною причиною его собственной смерти — что лучше этого можетъ доказать необыкновенную возвышенность души самого Мендельсона? Но есть и еще другое знаменитое доказательство того, какъ велика была, при всей энергичности и пламенности характера, доброта, снисходительность и кротость Мендельсона. Фантазеръ Лафатеръ, переведя фантастическую книгу другаго мечтателя, Бонне, и зная, что Мендельсонъ не раздѣляетъ понятій Бонне, посвятилъ ему свой переводъ, требуя въ предисловіи, чтобъ Мендельсонъ опровергъ мысли, изложенныя въ книгѣ Бонне, или отказался отъ своего прежняго образа мыслей, какъ несправедливаго. Вызовъ, къ которому Мендельсонъ не подавалъ никакого повода, былъ совершенно неприличенъ и заслуживалъ самаго жосткаго осужденія, иди, скорѣе, негодованія, потому что ставилъ Мендельсона въ положеніе очень опасное: странныхъ мыслей Бонне нельзя было опровергать, ве навлекая на себя страшнаго ищенія людей, признававшихъ ихъ справедливыми и могшихъ погубить Мендельсона. Мендельсонъ доказалъ это Лафатеру съ такою снисходительностью и кротостью, что Лафатеръ (человѣкъ чрезвычайно упорный въ своихъ фантазіяхъ и до крайности самолюбивый) понялъ свою ошибку и просилъ извиненія у своего

противника. Примѣровъ такого торжества немного въ исторіи: вести себя въ спорѣ такъ, чтобы самолюбивый противникъ созналъ себя виновнымъ и раскаялся — возможно только для человѣка съ необыкновенною кротостью души.

Произведенія такихъ людей всегда будутъ дѣйствовать на читателя благотворно духомъ истинной любви, отъ нихъ вѣющимъ, хотя бы самыя мысли, въ нихъ доказываемыя, и не вполне соответствовали современному развитію науки. Поэтому смѣло пожелаемъ мендельсонову *Федону* достичь на русскомъ языкѣ третьяго и четвертаго изданія. Переводъ г. Мызвикава очень добросовѣстенъ. Языкъ простъ и ясенъ.

Справочный Энциклопедическій словарь, изданный подъ редакцію *А. Старчевскаго*. Томъ седьмой. Л.—Мар. Саб. 1853.

При выходѣ въ свѣтъ перваго тома этого *Словаря*, мы представили (*От. Зап.* 1847 года, № 8) подробный разборъ его, доказывавшій, что предпріятія подобнаго рода, для того, чтобы на самомъ дѣлѣ принести пользу публикѣ, должны быть составляемы по строго обдуманному плану и выполняемы съ большою аккуратностью, и что ни тому, ни другому условію *Справочный Словарь* не удовлетворяетъ. Публика, сколько можемъ судить, была совершенно согласна съ нами...

Редакція *Справочнаго Словаря* продолжала свое изданіе; она выпустила уже болѣе половины обѣщанныхъ томовъ; работая столько времени надъ своимъ *Словаремъ*, она могла сдѣлаться гораздо опытнѣе: поэтому очень можно ожидать, что лежащій теперь передъ нами седьмой по алфавитному порядку и восьмой по порядку изданія томъ будетъ своимъ внутреннимъ достоинствомъ выше прежде изданныхъ ею.

Съ этимъ ожидашемъ развернули мы его и прочли предисловіе: предисловіе показало намъ, что редакція до сихъ норъ не можетъ справиться съ общею рас- планировкой своего словаря. Въ двухъ изъ остающихся неизданными томахъ (восьмомъ и девятомъ) она думаетъ помѣстить почти всю букву *м*, буквы *н*, *о*, *п*, *р*, *с*; но эти томы должны въ такомъ случаѣ выйти вдвое толще остальныхъ, по слѣдующему разчету: статьи на буквы *м*, *н*, *о*, *п*, *р* и *с* составляютъ, по количеству и объему, *третью* долю всякой энциклопедіи; въ этомъ редакція могла бы убѣдиться, еслибъ сообразила планъ подобныхъ изданій на нѣмецкомъ или французскомъ языкахъ; или, если сравнивать латинскій алфавитъ съ русскимъ для нея трудно, она могла бы видѣть это, напримѣръ, изъ словаря митроп. Евносія о писателяхъ духовнаго чина, въ которонъ слоги *ме—с* занимаютъ 236 страницъ изъ 710 стран. всего изданія. Слѣдовательно, если остальные двѣ трети статей *Справочнаго Словаря* наполняютъ 10 томовъ (всего предполагается 12 томовъ), то для этихъ буквъ нужно *пять* томовъ равнаго съ прежними объема, или *два* тома, но каждый *слишкомъ вдвое* толще остальныхъ. Редакція не говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи; слѣдовательно, она еще не знаетъ этого, еще не можетъ этого видѣть. Неужели она еще такъ неопытна?

Да, внимательное разсмотрѣніе седьмого тома *Справочнаго Словаря* доказываетъ, что редакція не можетъ еще справиться съ своимъ словаремъ, и какъ ни желали бы мы сказать ей что нибудь пріятное, должны, однакожь, объявить, что остаемся при своемъ прежнемъ мнѣніи относительно достоинства ея издѣлш, и должны подтвердить справедливость своего мнѣнія подробнымъ разборомъ вышедшаго нынѣ седьмага тома.

Требованія отъ энциклопедическаго словаря могутъ быть и велики и малы, в строги в снисходительны. Мы ограничимся самыми снисходительными, которымъ удовлетворить было бы очень легко. Говоря строго, мы могли бы отъ словаря на русскомъ языкѣ требовать того же, что требуется отъ этого рода словарей на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ языкахъ: самостоятельной обработки всѣхъ статей. Но къ чему такія огромныя требованія? Намъ скажутъ, что у насъ трудно найти для этого достаточное число сотрудниковъ—и мы согласимся. Пусть *Справочный Словарь* будетъ просто сборникомъ статей переводныхъ и извлеченныхъ, пусть онъ будетъ простою компиляціею—мы согласны; пусть только эта компиляція будетъ составлена хорошо—и мы будемъ совершенно довольны. Не правда ли, наши требованія очень умѣренны? Посмотримъ же, на сколько удовлетворяетъ ихъ *Справочный Словарь* г. Старчевскаго.

Статьи входящія въ составъ *Словаря*, раздѣляются на два отдѣла: 1) статьи, которыя онъ могъ брать (и взялъ) цѣлкомъ изъ иностранныхъ энциклопедическихъ словарей, и 2) статьи, которыхъ онъ не могъ оттуда заимствовать и которыя редакція должна была извлекать или составлять сама.

Къ первому отдѣлу принадлежать всѣ біографическія и географическія статьи, кромѣ относящихся къ Россіи, русской исторіи, географіи и біографіи замѣчательныхъ людей въ Россіи. Къ нему же принадлежатъ статьи по наукамъ, искусствамъ, промышленности и т. д., словомъ; всѣ статьи, кромѣ спеціально относящихся къ русскому міру.

Этотъ отдѣлъ не могъ доставить большихъ хлопотъ редакціи. Вотъ все, что обязана она была сдѣлать: составить списокъ статей, которыя должны войти въ ея словарь, и потомъ перевести ихъ вполнѣ, или въ сокращеніи. Составить списокъ очень легко, потому что есть уже множество готовыхъ такихъ списковъ въ иностранныхъ издѣліяхъ; надобно только свести ихъ и выбрать важнѣйшія статьи, которыя могутъ и должны войти въ ея изданіе по принятому для него размѣру. Нужно только умѣть судить о томъ, которыя статьи важны и нужны, которыя ненужны и неважны. Редакція *Справочнаго Словаря* рѣшилась ограничиться воличествомъ статей, вдвое меньшимъ того, какое помѣщается въ нѣмецкихъ конверсаціонс-лексиконахъ. Не будемъ упрекать ее и за это, потому что она располагала вдвое меньшимъ числомъ листовъ, хотя и увѣрены, что, сокративъ нѣкоторыя статьи, слишкомъ растянутыя (мы укажемъ на нихъ), она могла бы помѣстить гораздо большее число статей; но не можетъ не поставить ой въ упрекъ того, что въ принятыхъ ею границахъ она плохо распорядилась выборомъ, брала статьи большею частью наудачу, и потому, удержавъ множество ненужныхъ, опустила множество важныхъ. Въ доказательство, разсмотримъ ея списокъ иностранныхъ собственныхъ именъ на слогъ *Ла* (онъ занимаетъ около ста страницъ). Причина, по которой мы ограничиваемся собственными именами и не беремъ въ разчетъ техническихъ словъ и терминовъ изъ наукъ и искусствъ, очень понятна: но находя

известнаго термина или техническаго слова, мы еще можем предполагать, что оно будетъ объяснено подъ другимъ техническимъ словомъ; этого рода статьи могутъ быть дробимы и сливаемы; но собственныя имена должны уже непременно стоять на своихъ мѣстахъ: ихъ нельзя сливать и вносить въ другія статьи.

Всего мы находимъ въ *Справочномъ Словарѣ* около 150 собственныхъ именъ, начинающихся слогомъ *Ла*, и въ числѣ ихъ нѣтъ слѣдующихъ именъ, необходимыхъ по принятому редакціею объему списка, именъ, которыя часто случается слышать и о которыхъ, поэтому, часто приходится справляться:

Лабедойеръ (Labedoyère), котораго имя всегда упоминается въ газетахъ, какъ скоро рѣчь идетъ о смерти Нэя; *Лабіенъ*, извѣстный сподвжнввъ, а потомъ противникъ Цезаря; *Лабурдонъ*, министръ Карла X; *Лавиніумъ*, городъ въ Лапіумѣ; *Лагиръ*, французскій полководецъ XV вѣка; другой *Лагиръ*, знаменитый математикъ XVII вѣка; *Лайй*, отецъ Эдипа; *Лакруа* (Поль), извѣстный французскій писатель (часто пишущій подъ именемъ Жакоба-библіофила); *Лалльманъ*, знаменитый медицинскій аисатель; *Лалли-Толендаль* или *Лалы-Толендаль* (Lalli-Tolendal), французскій полководецъ въ Ост-индіи; другой *Лалли Толендаль*, сынъ его, извѣстный государственныи чловѣкъ въ концѣ XVIII вѣка; принцесса *Ламбаль*, другъ королевы Маріа-Антуанетты; *Ламетъ* (Lameth) знаменитый государственный чловѣкъ конца XVIII вѣка; *Лами*, итальянскій писатель XVIII вѣка; *Ламія*, миеологическое лицо; *Ламійская война* между греками и Антвпатромъ, по смерти Александра Мекедонскаго; *Лимпридій*, римскій писатель IV вѣка; *Ланселотъ* или *Лажело* (Lancelot), герой рыцарскихъ романовъ; *Ландеръ* или *Лэндеръ* (Lander), знаменитый путешественникъ по Африкѣ; *Ланъ*, ганновскій государственный чловѣкъ; *Ланге*, вѣмецкій писатель XVIII вѣка; *Лангедокъ*, французская провинція; *Лангенбекъ*, знаменитый современный хвурургъ; *Лангендикъ* (Langendijk), голландскій комическій писатель; *Ланувіумъ*, городъ въ Лапіумѣ; *Лаодомантъ*, сынъ Этеокла; *Лаодика* (у трагиковъ Электра), дочь Агамемнона; *Ланиты*, ессалійское племя; *Ларше* (Larsher), переводчикъ Геродота; *Латимеръ* или *Лэтимеръ* (Latimer), знаменитый англійскій епископъ XVI вѣка; *Лаубе*, нѣмецкій поэтъ; *Лажманъ*, знаменитый филологъ и проч.

Всего на 150 именъ слышкомъ 30 именъ пропущенныхъ! Мы имѣемъ полное право сказать, что редакція *Справочнаго Словаря* должна была помѣстить ихъ въ свой епснокъ, выбросивъ изъ него около 45 или 50 ничѣиъ незамѣчательныхъ и очень малозвѣстныхъ именъ, изъ которыхъ многія напечатаны русскими буквами едва ли по въ первый разъ въ *Справочномъ Словарѣ*. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Лабурѣръ (скульпторъ); *Лаваль* (французскій городъ); *Лагоцъ* (Lagoz), итальянскій генераль; *Ладирасъ* (родъ вина); *Лазнио* (итальянскій граверъ); *Лаксенбургъ* (загородный дворецъ близъ Вѣны); *Лаксъ* (Louis Lax), современный нѣмецкій писатель; *Лалльманъ* (французскій генераль); *Ламбахеръ* (нѣнецкій писатель); *Ламбекъ* (тоже); *Ламбергъ* (1, Йозефъ, писатель; 2 Йоганъ, дипломатъ); *Ламонне* (Lamonnaie), франц. писатель; *Лангенау* (австрійскій генераль); *Ландсбергъ* (городъ); *Ланчинскій* (іозуптъ); *Лассо* (композиторъ); *Лаубендсръ* (ветеринарный писатель); *Лаукгардъ* (нѣмецкій писатель); *Лауэръ* (австрійскій писатель) и еще столько же другихъ, имъ подобныхъ именъ. Большая часть этихъ собственныхъ именъ не вошла даже въ нѣкоторые энциклопедическіе словари, изданные на ихъ родинѣ, превосходящіе объемомъ *Справочный Словаръ* и потому вмѣщающіе въ себя гораздо большее число именъ. Исключивъ подобныя, никому ненужныя слова, редакція *Справочнаго Словаря* имѣла бы мѣсто для невошедшихъ въ него словъ, которыхъ насчитали мы, при всей осно-

трительности въ выборѣ, *четвертую* долю противъ всего количества статей этого рода.

Поелъ составленія списка статей иностраннаго отдѣла на редакціи лежала вторая обязанность: опредѣлить важность каждой статьи и, сообразно съ этинъ, объемъ ея. Отъ этого очень много зависѣло достоинство словаря. Возможно ли составить хорошій словарь, когда маловажныя статьи такъ расширились, что отняли мѣсто, нужное для того, чтобъ дать приличное развитіе важнѣйшимъ статьямъ? Еще болѣе: можно ли составить удовлетворительный словарь, не потрудившись опредѣлить относительную важность (и вслѣдствіе ея—объемъ) статей? И въ этомъ отношеніи *Справочный Словарь* не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Въ доказательство представляемъ въ двухъ параллельныхъ спискахъ объемъ нѣкоторыхъ статей, преимущественно на слогъ *Ла*:

Статьи слишкомъ длинныя.

Лабиринтъ 2 столбца.
Лавицкій (іезуитъ) 40 строкъ.
Лавръ (дерево) 2¹/₂ столбца.
Лагоць (генераль) 2 столбца.
Лакса (страна въ Аравіи) 23 строки.
Лальманяъ (генераль) 1 столбець.
Ландскнехты 5¹/₂ столбца.
Лавкло (красавица) 35 строкъ.

Лаперузъ 4¹/₂ столбца.
Ла-ротьерское сраженіе 4 столбца.
Ла-Рошъ-Жакленъ (предвод. шуановъ)
3 столбца.
Лары (итал. миеол. существа) 42 строки.
Латуръ (австр. генераль) 3¹/₂ столбца.
Лафеть 3¹/₂ столбца.
Лашезъ (іезуитъ) 2 столбца
Всего 36 столбцовъ.

Статьи слишкомъ короткія.

Ла или Ло 54 строки.
Лабораторія 37 строкъ.
Лагароъ (воспитатель Импер. Александра)
14 строкъ.
Лавоника 17 строкъ.
Ламайскал вѣра 26 строкъ.
Лавкастеръ (педагогъ) 20 строкъ.
Латинская Имперія (въ Константинополѣ)
7 строкъ.
Лафайеть 1 столбець.
Лафить (министръ) 38 строкъ.
Левкрійская битва 20 строкъ.
Левъ 20 строкъ.
Лессингъ 34 строки.
Либихъ 18 строкъ.
Ливія (жева Августа) 15 строкъ.
Всего менѣе 8 столбцовъ.

Противъ большей части выписанныхъ нами слишкомъ длинныхъ и маловажныхъ статей мы выставили слишкомъ короткія и гораздо болѣе важныя статьи одного рода, и получили такой выводъ: пятнадцать статей менѣе важныхъ занимаютъ почти въ пять разъ больше мѣста, нежели пятнадцать же статей гораздо болѣе важныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, невозможно не дивиться, видя, что какое то ла-ротьерское сраженіе описывается въ *Справочномъ Словарѣ*, который долженъ дорожить мѣстомъ, на 4 столбцахъ, подвиги какого то неслыханнаго итальянца Лагоца—на двухъ, Ла-Рошъ-Жаклена—на 3, странствованія Лаперуза—на 4¹/₂.

Не распорядившись какъ слѣдуетъ мѣстомъ, редакція принуждена была сокращать очень многія изъ тѣхъ статей, которыя должны составлять важнѣйшую по объему часть всякаго справочнаго словаря. У г. Старчевскаго эти статьи нерѣдко ограничиваются двумя-тремя фразами, неясными, или недостаточными. Примѣры сейчасъ увидимъ.

Посмотримъ теперь, каково самое изложеніе біографическихъ, историческихъ и географическихъ статей переводнаго отдѣла. Главною задачею ихъ должно быть:

при всевозможной краткости въ подробностяхъ, показать существенное значеніе описываемаго событія, или очертить существенно важную сторону дѣятельности лица, показать, чѣмъ оно замѣчательно. Намъ скажутъ, что это задача трудная—можоть быть, но только для составителя статьи, а не для сократителя, или простого переводчика. Мы не будемъ строго замѣчать мелкихъ промаховъ въ годахъ, цифрахъ, не будемъ обращать вниманія на опечатки, хотя всѣ эти мелочи важны въ справочной книгѣ. Важнѣе всего существенное содержаніе: только имъ мы и займемся.

«Ла или Ло (John Law)... *предложилъ* (эдинбургскому парламенту) *учредить банкъ, который выдавалъ бы бумажныя деньги*»... Не бумажныя деньги, а банковые билеты; это двѣ различныя вещи; но положимъ, что все равно; что же особеннаго въ проектѣ банка, который станетъ выдавать билеты? Стоять ли говорить о непринятомъ предложеніи основать такой банкъ? Дѣло въ томъ, что банкъ Ло долженъ былъ выдавать билеты подъ залогъ *земель*, и чрезъ это, по плану Ло, земля изъ недвижимаго имущества становилась движимымъ, или, лучше сказать, переходила въ руки государства—вотъ сущность дѣла. Эгихъ существенныхъ словъ: *подъ залогъ земли* не прибавлено въ *Справочномъ Словарѣ*, и оттого дѣло теряетъ смыслъ. Операциі Ло во Франціи, ихъ сущность, падшіе его системы изложены такъ, что ничего нельзя понять; даже не указана обширность его предпріятій, даже не сказано, что паденіе его системы имѣло слѣдствіемъ всеобщее разореніе; даже нѣтъ ни слова о томъ, какая бѣшенная биржевая игра была возбуждена его акціями. Кто справится о Ло въ *Справочномъ Словарѣ*, тотъ почтетъ его однимъ изъ обанкрутившихся банкировъ и удивится, что о немъ до сихъ поръ толкуютъ.

«Лабиринтъ, *разнообразно извитое тѣло, или зданіе, имѣющее много ходовъ и комнатъ*». Последнее, разумѣется, справедливо; а по первому опредѣленію надобно подумать, что къ лабиринтамъ относятся кишки, мозгъ и т. д.

«Лавлашъ... *за свой превосходный басъ былъ увезенъ одною пѣвицею, возвратился назадъ и дебютировалъ въ Неаполѣ*». Не знаемъ, увозила ли его какая нибудь пѣвица; но, во всякомъ случаѣ, не ей онъ обязанъ развитіемъ своего таланта, а Россіини, о чемъ не говоритъ *Справочный Словарь*.

«Лабораторія (Laboratoria)»—не Laboratoria, а Laboratorinm—«*мѣсто, въ которомъ производятся химическія операціи. Въ новѣйшее время такіи лабораторіи устраиваются преимущественно при университетахъ*». Это справедливо только относительно ученыхъ, а не техническихъ лабораторій.

«Лабрадоръ. *Полуостровъ на западномъ берегу Эаста; граничитъ съ Атлантическимъ Океаномъ*». Что за земля этотъ Эастъ? Это не земля, а просто непонятое редакціею англійское слово east, восточный. Объясненіе своего промаха могъ бы найти *Справочный Словарь* въ концѣ своей статьи: восточный берегъ Лабрадора Англичане очень натурально называютъ «восточною землею», East-Main; изъ первой половины этого слова въ *Справочномъ Словарѣ* произошла страна Эастъ, послѣ чего и оказалось, что Лабрадоръ лежитъ на западномъ берегу своего восточнаго берега...

«Лабрюйеръ, *былъ казначеемъ въ Каеннѣ*». Каенна—Caen, городъ во Французской Гвіанѣ (въ Южной Америкѣ); само собою разумѣется, что Лабрюйеръ былъ казначеемъ не тамъ, а въ Канѣ (Caen), городѣ, лежащемъ въ Нормандіи, или, по нынѣшнему раздѣленію, въ Кальвадосскомъ Департаментѣ.

Справочный Словарь смѣшалъ эти два города; ошибку помогло, вѣроятно, то, что онъ слово Саен произноситъ Казнь.

«Лавоазье». Что сдѣлалъ Лавоазье для химіи, объ этомъ нѣтъ ни одного слова, кромѣ ошибочной мысли: «новѣйшая химія была создана до Лавоазье; требовалось только дать ей видъ науки; Лавоазье совершилъ это трудное дѣло». Нѣтъ, заслуги Лавоазье гораздо важнѣе: онъ не только привелъ въ систему прежнія открытія, но и самъ сдѣлалъ еще важнѣйшія, на которыхъ основывается новѣйшая химія. Впрочемъ, объ открытіяхъ Лавоазье *Справочный Словарь* не говоритъ ни слова, довольствуясь тѣмъ, что «Лавоазье получилъ премію за рѣшеніе вопроса объ освѣщеніи парижскихъ улицъ».

До сихъ поръ мы разбирали статьи подъ-рядъ; мѣсто не позволяетъ намъ продолжать такимъ образомъ, и мы должны ограничиться только подробнымъ разборомъ еще трехъ или четырехъ пороводныхъ статей на слогъ *Ла*, текстъ которыхъ выписываемъ вполнѣ, чтобъ показать читателямъ небрежность, съ которою онъ составлены. Мы беремъ статьи не на выборъ, а наудачу.

«Лагарпъ, *эксъ-директоръ Гельветической республики...* (Слѣдовательно, Лагарпъ еще живъ? потому что «эксъ» употребляется только о живыхъ)... *надворный совѣтникъ русской службы...* (онъ былъ награжденъ генеральскимъ чиномъ въ 1814 году) *родился въ Ролль 1754 года...* (Что это за Ролль? гдѣ онъ? Конечно, имя этого незамѣчательнаго мѣстечка не попадетъ въ *Справочный Словарь*: поэтому было бы необходимо прибавить «въ Ватландѣ»)... *двадцати лѣтъ онъ былъ докторомъ правъ и адвокатомъ въ Бернѣ...* (изъ этого выходитъ, что онъ и докторомъ правъ былъ сдѣлавъ въ Бернѣ: нѣтъ, онъ получилъ этотъ титулъ въ Тюбингенѣ; должно было придать фразѣ другое устройство, чтобъ не вводить въ заблужденіе читателя), *но вскорѣ, по приглашенію Екатерины, отправился въ Петербургъ, въ качествѣ наставника великихъ князей Александра и Константина. Послѣдніе свои дни провелъ онъ близъ Парижа...* (По этому изложенію мы должны предполагать, что Лагарпъ уѣхалъ изъ Россіи ужь старикомъ, для успокоенія—нѣтъ, онъ жилъ въ Россіи всего нѣсколько лѣтъ и уѣхалъ изъ нея въ 1793 году, прожалъ (и очень дѣятельно) еще 45 лѣтъ; въ томъ числѣ послѣдніе *двадцать лѣтъ* въ Лозаннѣ, а не близъ Парижа)... *занимаясь земледѣліемъ и естественными науками. Въ 1814 году принялъ участіе въ дѣлахъ (какихъ?) ходатайствомъ у Александра (о чемъ?) и успѣлъ упрочить независимость Кантона Ватландскаго. Умеръ въ 1838 году».* (По этому изложенію надобно предполагать, что въ 1814 году ходатайствовалъ онъ о независимости Ватландскаго Кантона; ничуть не бывало: дѣло о Ватландскомъ Кантонѣ было ужь въ 1815, на Вѣнскомъ Конгрессѣ, а императоромъ Александромъ въ 1814 году Лагарпъ былъ употребленъ по французскимъ дѣламъ).

«Ламоть-ле-Вайк *родился 1588, сначала занимался изученіемъ законовѣднія...* (Этого мало, онъ былъ помощникомъ генерал-адвоката въ парламентѣ; надобно сказать: «сначала былъ законовѣдомъ». *Справочный Словарь* заставляетъ думать, что Ламоть бросилъ законовѣдніе и не вступалъ на юридическую карьеру). *Кардиналъ Ришельё открылъ ему доступъ во французскую академію и хотѣлъ сдѣлать его воспитателемъ*

дофина (не только хотѣлъ сдѣлать, но и дѣйствительно сдѣлать); *смерть кардинала остановила это дѣло...* (это значить, что послѣ смерти Ришелье ему поручили воспитаніе другаго принца). *Ламотъ только въ 50 лѣтъ выступилъ на литературное поприще; особенно занимался исторіей и стяжалъ имя французскаго Плутарха*. Онъ замѣчательнѣе какъ философъ, нежели какъ историкъ).

«Ланкастеръ, англійское графство; поверхность его 480,000 гектаровъ и 828,318 жителей... (Прежде всего замѣтимъ, что въ этой фразѣ нѣтъ грамматическаго смысла; во-вторыхъ, сважемъ, что, вѣроятно, когда нибудь въ Ланкастерскомъ Графствѣ было 800,000 жителей, только это было очень давно: теперь въ немъ до полутора милліона жителей). Оно заключаетъ въ себѣ угольныя копи... (вѣроятно, каменно-угольныя копи: *Справочный Словарь* позабылъ различіе между простынъ и каменнымъ углемъ), желѣзныя, мѣдныя и сурьмяныя руды, и питаетъ большое количество скота. Производитъ значительную торговлю полотномъ, шолкомъ и хлопчатую бумагою... (подъ «полотномъ» должно понимать, вѣроятно, хлопчатобумажныя ткани). Главный городъ Ланкастеръ съ 10,000 жителей... (не съ 10,000, а съ 13,000). Этотъ городъ посылаетъ въ Парламентъ двухъ депутатовъ (что же тутъ особеннаго? стоить ли говорить объ этомъ?). Титулъ герцоговъ ланкастерскихъ имѣли многіе принцы, оспаривавшіе престолъ у дома Йоркскаго; эти споры кончились бракомъ Генриха VII, герцога Ланкастерскаго съ наследницею дома Йоркскаго»... и т. д. «Имѣли многіе герцоги, оспаривавшіе»—это значить, были и другіе соперники у дома Йоркскаго, кромѣ герцоговъ ланкастерскихъ. Опять неточность въ выраженіи. Послѣдняя половина этого періода относится уже къ статьѣ «Герцоги Ланкастерскіе», которая, замѣтимъ кстати, помѣщена въ *Справочномъ Словарѣ* подъ слогомъ *Ле*, потому что, читая имя графа Ланкастеръ, *Справочный Словарь* читаетъ фамилію графовъ Ленкастеръ, точно также, какъ и имя города, который такимъ образомъ описанъ два раза въ двухъ различныхъ мѣстахъ и сверхъ того названъ по англійски Lancashire—именемъ графства, а не города, какъ извѣстно всякому, имѣвшему въ рукахъ порядочную географію. Напомнимъ еще *Справочному Словарю*, что въ Ланкастерскомъ Графствѣ находятся Ливерпуль и Манчестеръ, о чемъ слѣдовало бы упомянуть, хотя бы съ ущербомъ извѣстію о депутатахъ, посылаемыхъ городомъ Ланкастеромъ въ сурьмянымъ рудамъ, которыми богато графство.

«Лассенъ, род. въ Бергенъ... (но Бергеновъ много; въ которомъ же?)... 1800 года; по смерти отца переселился съ матерью въ 1821 году въ Альтону; съ 1822 года учился въ Гейдельбергъ и Боннъ богословію; потомъ жилъ два года въ Парижѣ и Лондонѣ, возвратился въ Боннъ, съ 1827 г. былъ принятъ доцентомъ тамошняго университета, съ 1830 г. профессоромъ». Скажите же, кто такой Лассенъ? По *Справочному Словарю*, не правда ли, богословъ? Но всякому извѣстно, что онъ санскритологъ. Превращенію произошло очень просто: сокращая статью о Лассенѣ, *Справочный Словарь* почелъ не важнымъ дѣломъ выбросить какую нибудь фразу, въ родѣ слѣдующей: *но скоро, оставивъ богословіе, Лас-*

сень занялся санскритскимъ языкомъ и сдѣлался однимъ изъ первыхъ ориенталистовъ.

Повторяемъ: мы не выбирали статей, а брали ихъ наудачу. Намъ кажется, что, поелѣ этого разбора, имѣиетъ право сказать о биографическихъ и географическихъ переводныхъ статьяхъ *Справочнаго Словаря*, что онѣ наполнены всякаго рода промаками, обмолвками и недомолвками, что ихъ изложеніе страдаетъ темнотою и неполнотою, что очень часто въ статьѣ необъяснено именно существенное, а говорится только о подробностяхъ, никому изъ читателей ненужныхъ и могущихъ только ввести въ заблужденіе.

Переходимъ къ статьямъ изъ другихъ наукъ: разберемъ нѣсколько важнѣйшихъ изъ нихъ по объему.

Первая статья большого размѣра—Лавръ, вѣрная своему происхожденію, носитъ на себѣ специально-медицинскій характеръ и кажется скорѣе статьею медицинскаго лексикона, нежели *Справочнаго Словаря*; она богата прекрасными подробностями о томъ, что «насадители коричнаго лавра—цейланскіе вороны и дикіе голуби, поглощая зрѣлые плоды, имѣющіе неудобоваримыя ядра, разносятъ ихъ по лѣсамъ...» Интересующіеся знать дальнѣйшій ходъ дѣла, благоволятъ справиться въ *Справочномъ Словарѣ*.

«Латинскій языкъ». Статья начинается писаннымъ какъ будто бы за двѣсти лѣтъ до нашего времени трактатомъ о похвальныхъ и непохвальныхъ свойствахъ латинскаго языка; потомъ увѣряетъ, что латинскій языкъ есть: «соединеніе двухъ элементовъ: греческаго и варварскаго. Грамматика латинскаго языка есть греческая». Выписавъ подобныя фразы, мы уже не имѣемъ надобности прибавлять, что статья эта ниже всякой посредственности. Она писана едва ли еще не Діонисіемъ Галикарнасскимъ, на котораго часто ссылается.

«Лена (Lohn, латинское слово Feudum)»—вы угадываете по нѣмецкому и латинскому переводу, что это «ленъ»; а не «лена»; но вы не угадаете, чѣмъ наполнена эта статья, занимающая 4¹/₂ столбца. Вы думаете, что въ ней излагается исторія леннаго устройства, его развитія и паденія? вы думаете, что къ этому прибавленъ обзоръ отношеній между вассаломъ и сюзереномъ? Нѣтъ, обо всемъ этомъ ни слова. Что же такое находится въ этой статьѣ? Непонятный и ненужный ни для кого, кромѣ юристовъ, специально занимающихся исторіею гражданскаго права въ средніе вѣка, реестръ всѣхъ мелкихъ подраздѣленій ленныхъ владѣній различнаго рода, которыхъ вычислено въ этой статьѣ, вѣроятно, болѣе сотни. Вотъ для примѣра буквальная выписка: «Были слѣдующіе роды лены (то есть лена): Feudum hereditarium (Erblohn) наследственная лена; Feudum imperii, имперская лена (Reichslohn); Feudum improprium (этотъ терминъ не переведенъ, потому что не понятъ); Feudum jurisdictionis, то есть отданная въ лену судебная власть; Feudum keminadæ (Kömnadenlohn)—тоже не переведено, потому что не понятно; — Feudum masculinum, мужская лена (Mannslohn); Feudum uppignogatum, заложенная лена; Feudum paternum, такая лена, которою владѣлъ уже дѣдъ настоящаго вассала; Feudum peregrinum, внѣшняя лена, противоположная Feudum romestico (домашней ленѣ); Feudum pignoratitium (Pfandlehn), которая дана въ залогъ вслѣдствіе какого нибудь требованія; Feudum proprium, Feudum rectum, являющаяся лена; Feudum regale, лена съ которою сопряжено право верховной

власти государя; *Feudum rusticum* (*Bauernlehn*), в крестьянская лена: *Feudum vassalicum*, то есть соляной ключъ, отданный въ лену», и т. д.

Это перечисленіе явлется на четырехъ столбцахъ. Есть предѣлы для странности—но, какъ видите, эта статья переходитъ всѣ предѣлы вѣроятія; помѣстить въ *Справочный Словарь* оглавленіе юридическаго трактата безъ всякихъ объясненій, и занять этимъ оглавленіемъ четыре столбца—это казалось бы намъ дѣломъ невозможнымъ, если бы *Справочный Словарь* не совершилъ его.

«Лошадь». Чтобъ дать понятіе объ этой статьѣ, занимающей 4 столбца, екажемъ, что цѣлый столбецъ посвященъ описанію того, какимъ образомъ въ Южной Америкѣ ловятъ и объѣзжаютъ дикихъ лошадей, а потомъ еще столбецъ—исторія лошадиныхъ зубовъ.

«Луна». Изъ этой статьи мы узнаемъ, что луна есть «созвѣздіе»; полнолуніе бываетъ, по мнѣнію *Справочнаго Словаря*, когда луна бываетъ «прямо противъ солнца»; но *Словарь* забылъ, что и новолунію бываетъ также тогда, когда луна стоитъ «прямо противъ солнца». Новомѣсячье, впрочемъ, продолжается, по словамъ *Справочнаго Словаря*, четырнадцать дней. Затмѣнію луны «можетъ произойти только тогда, когда луна, во время полнолушія удалена отъ одной изъ точекъ своего пути (??) не болѣе какъ на $12\frac{1}{4}^{\circ}$ ».

Читатели могутъ судить, слишкомъ ли мы будемъ строги, если екажемъ, что статьи по наукамъ въ *Справочномъ Словарѣ*—или переведены съ такимъ незначеніемъ дѣла, что наполнены ошибками и непонятными мѣстами, или—выписаны цѣликомъ изъ совершенно специальныхъ сочиненій такимъ образомъ, что являются рѣшительно неумѣстными въ *Справочномъ Словарѣ*, потому что, не давая краткаго, но яснаго понятія о сущности предмета, состоятъ изъ мельчайшихъ, никому, кромѣ специалистовъ, ненужныхъ и непонятныхъ подробностей о какой нибудь неважной сторонѣ предмета.

Но, перелистывая *Справочный Словарь*, вы проникнитесь чувствомъ благодарности къ его редакціи за то, что она предоставила такое широкое мѣсто статьямъ, относящимся къ Россіи: онѣ занимаютъ половину всего тома. И, однакожь, мы не поручимся за то, чтобъ у васъ не родилась, по ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ статей, такая мысль: редакція оставила для нихъ такое широкое мѣсто потому только, что перепечатывать изъ русскихъ словарей гораздо удобнѣе, нежели переводить изъ иностранныхъ. И дѣйствительно, перепечатывать очень удобно. Судите сами. Сличаемъ статьи *Военнаго Энциклопедическаго Лексикона*, изданнаго покойнымъ барономъ Л. И. Заддслеромъ, на слогъ *Ла* (часть 8-ая, стр. 1—122) и находимъ, что подъ соответствующими статьями *Справочнаго Словаря* перепечатаны статьи *Военнаго Энциклопедическаго Лексикона*:

Лабораторія 24 строки; *Лабораторное искусство* 32 строки; *Лавалеттъ** *) 14 строкъ; *Лавръ* (*Лавретасъ*) 16 строкъ; *Лазось* 8 строкъ; *Лагоць** 4 столбца; *Ладожское Озеро* 1 столбецъ 14 строкъ; *Лазаретъ* 10 строкъ; *Лалльманъ** 1¹/₂ столбца; *Ламаркъ* 2¹/₃ столбца; *Ламберъ** (*Joseph Gaspard*) 1 столбецъ; *Ламбертъ* (генералъ) 1²/₃ столбца; *Ламбро-Качони* 1 столбецъ; *Ламбсдорфъ** 1¹/₂ столбца; *Ландау* 1 столбецъ; *Ландверъ** 3 столбца; *Ландмилиція въ Россіи* болѣе 6 столб.; *Ландреси** 30 строкъ; *Ландскнехты** 8 столбцовъ, *Ландскрона** 1 столбецъ;

*) Звѣздой мы отмѣчаемъ статьи, перепечатанныя цѣликомъ.

*Ланкъ** болѣе двухъ столбцовъ; *Латтуа** 34 строкъ; *Лаперузъ** 6½ столбцовъ; *Лапто* болѣе 1 столба; *Ларя* 3¼ столб.; *Ла-ротьеръ** 6 столбцовъ; *Ла-рошель* 25 строкъ; *Ларошъ-Жакленъ** 4 столба; *Лассаль** 3 столба; *Ласси* (1, Петръ Ивановичъ; 2, Борвсъ Петровичъ; 3, Францъ)* 13 столбцовъ; *Ластъ** 7 строкъ; *Латуръ** 5 столбцовъ; *Латуръ-Мобуръ** 1½ столба; *Лафетъ* 5 столбцовъ.

Въ сложности, всѣ отмѣченныя нами перепечатки составляютъ 91 столбецъ, или 45½ страницъ (изъ 120 печатныхъ страницъ всего изданія) *Военнаго Энциклопедическаго Лексикона* (болѣе третьей доли всего текста) и занимаютъ въ *Справочномъ Словарѣ* болѣе 60 столбцовъ, или 30 страницъ (изъ 98 печатныхъ страницъ всего текста) *Справочнаго Словаря*.

Мы не будемъ, однако, слишкомъ обвинять редакцію за то, что она перепечатываетъ, и перепечатывается, ни однимъ словомъ не намекая, откуда взята ея статья; но упрекаемъ ее за то, что она такъ перепечатывается. Брать цѣликомъ огромныя статьи изъ спеціальнаго военнаго словаря, равнаго по объему съ нашимъ, въ нашъ *энциклопедическій* словарь, гдѣ для военнаго отдѣла должна быть назначена развѣ десятая, если не меньше, часть всего количества листовъ — съ чѣмъ же это сообразно? И наполнять этими перепечатанными изъ одного спеціальнаго лексикона статьями цѣлую третью своего изданія — возможно ли это? Это значитъ отнимать у себя мѣсто для статей по другимъ отраслямъ наукъ и биографіи. Но редакція *Справочнаго Словаря* не дорожитъ мѣстомъ: она, кажется, думаетъ о томъ только, какъ бы полгече набрать текстъ. Впрочемъ, перепечатывая вполнѣ статьи военнаго лексикона, *Справочный Словарь* по крайней мѣрѣ приобретаетъ хорошія статьи со смысломъ, хотя и несоответствующія по своей спеціальности цѣли энциклопедическаго словаря. Когда же онъ вздумаетъ перепечатывать ихъ не цѣликомъ, онъ имѣетъ несчастье выпускать именно тѣ отдѣлы, которые необходимо нужны для пониманія перепечатанныхъ статей. Такъ напримѣръ, статья *Справочнаго Словаря* Лафетъ — перепечатка той части статьи *Военнаго Энциклопедическаго Лексикона*, которая говоритъ объ устройствѣ лафетовъ въ *русской* артиллеріи. *Справочный Словарь* не замѣтилъ, что въ этой части статьи *Военнаго Лексикона* находятся постоянно ссылки на устройство лафетовъ во французской артиллеріи, такъ что въ отдѣльности эта часть статьи непонятна — и перепечаталъ ее, не выпустивъ и не объяснивъ этихъ ссылокъ на перепечатанную часть статьи. И вотъ мы имѣемъ удовольствіе читать фразы въ родѣ слѣдующей: «для нашихъ сдинороговъ употребляется лафетъ, устроенный по образцу французскаго горнаго лафета»; что такое французскій горный лафетъ, извѣстно читателю *Военнаго Лексикона*, но никакимъ образомъ неизвѣстно читателю *Справочнаго Словаря*.

Изъ 74 статей *Военнаго Лексикона* на слогъ *Ла* перепечатано *Справочнымъ Словаремъ* 36 статей, или ровно половина. Послѣ этого вы можете ожидать, что уже не опущено ни одной важной статьи — ничуть не бывало. Опущены, между прочинъ, статьи: *Лабіенъ*, *Лабурдонъ*, *Лагеръ*, *Лалли-Толендаль*, *Ластовыя оуда*; за то перепечатаны *Ламбро-Качони*, *Лагоцъ*, *Лагосъ*, *Лапто* и т. п. Каковъ выборъ!

Но за перепечатки должно еще благодарить редакцію *Справочнаго Словаря*, потому что, когда она рѣшается передѣлывать статьи, выходитъ еще хуже. Въ доказательство, слачимъ съ оригиналомъ нѣкоторыя изъ статей, взятыхъ

Справочнымъ Словаремъ изъ *Словаря Достопамятныхъ Людей* Вавътша-Каменскаго (часть третья, Москва, 1836 г.). Возьмемъ, напримѣръ, статью Ляваиновъ, *Василій Яковлевичъ*:

Словарь Достопамятныхъ Людей.

...бросился къ брату на поношь, убилъ *Татарина*, его преслѣдовавшаго...

...оставленъ былъ съ флотилею для *перенятія* судовъ непріятельскихъ... и т. д.

Леонтьевъ, Алексѣй, обучался въ *Законспасской Академіи*.

Справочный Словарь.

...бросился къ брату, убилъ его преслѣдователей (изъ одного стало уже иного, для красоты слога).

...оставленъ былъ съ флотилію для *обезпокоива чія* непріятельскихъ судовъ (*Спр. Слов.* не знаетъ, что *ловить* мелкія суда и *обезпокоивать* флотъ—двѣ разлчныя вещи).

...первоначальное образование получилъ въ *Законспасской Академіи*... (образование въ ней давалось не первоначальное).

Однимъ словомъ: будьте увѣрены, что каждое измѣненное противъ оригинала слово — промахъ. Къ счастью, *Справочный Словарь* рѣдко измѣняетъ фразы: для того, чтобъ сократить статью, редакція кажется достаточнымъ вычеркнуть въ оригиналѣ столько строкъ, сколько ей заблагоразеудится: можно представить себѣ, какъ связаны выходятъ такія сокращенія! Притомъ же она очень оригинально понимаетъ, что важно (и потому должно быть удержано) и что маловажно (и потому должно быть вычеркнуто). Всѣ мельчайшія подробности послужнаго списка ей кажутся необходимыми; все сколько нибудь характеризующее челоуѣка, или служащее объясненіемъ для его дѣйствій, благопріятныхъ или неблагопріятныхъ событій его жизни — она считаетъ приличнѣйшимъ выпускать; даже случается, что главнѣйшій фактъ всей біографіи при сокращеніи выпускается *Справочнымъ Словаремъ*. Въ примѣръ всего этого представимъ статью о *Лестокъ*. Имя Лестока извѣстно въ исторіи, конечно, только тѣмъ, что онъ выказалъ свою преданность императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ при вступленіи ея на престолъ — объ этомъ даже не упомянуто въ статьѣ *Справочнаго Словаря*, хотя разсказъ объ этомъ составляетъ большую половину перепечатанной въ немъ статьи *Словаря Достопамятныхъ Людей*; за то въ *Справочномъ Словарѣ* сказано, что онъ «старался о избраніи наслѣднаго датскаго принца Фридриха на шведскій престолъ» и прибавлена подробность, которой нѣтъ въ *Словарѣ Достопамятныхъ Людей*: «онъ умеръ бездѣтнымъ, исповѣдуя реформатскую вѣру...» само собою разумѣется, что членъ реформатской церкви исповѣдуетъ реформатскую вѣру — и еще другая подробность, что «первая его супруга была урожденная Мюллеръ, а вторая — Марія Аврора фонъ-Менгенъ». Важную новость также въ этой статьѣ составляетъ извѣстіе, что Лестокъ въ заточеніи «пилъ зельтерскую воду». Статья *Словаря Достопамятныхъ Людей* содержитъ въ себѣ много интереснаго, рассказываетъ жизнь Лестока такъ, что ясны причины и связь событій — ничего этого не осталось въ статьѣ *Справочнаго Словаря*, который, однако, считаетъ нужнымъ въ точности сообщить намъ, какъ велико было награжденіе, данное Лестоку императрицею Екатериною II, и для этого неопредѣленное выраженіе *Словаря Достопамятныхъ Людей*: «Императрица Екатерина II облегчила бѣдственное положеніе Лестока пожалова-

иенъ ему пенсіи и помѣстья въ Лифляндіи» замѣняетъ слѣдующею фразою: «Екатерина II пожаловала Лестоку пенсіи: 7,000 руб. и 30 гаковъ въ Лифляндіи».

Такія біографіи писать ничего не стоятъ, за то и онѣ ничего не стоятъ. Чтобъ показать читателямъ, какъ легко дѣлать біографіи въ родѣ печатаемыхъ въ *Справочномъ Словарѣ* и какъ много еущественнаго можно извлечь изъ нихъ, мы сами, нисколько не затрудняясь, составимъ сейчасъ біографію... чью бы, валримѣръ? Ну, хотъ Александра Македонскаго. Слушайте:

„*Александръ Македонскій* род. 356 г. въ Пеллѣ. Еще въ юности ооказалъ онъ неустрашимость своего духа, укротивъ Букефала, коня съ головою похожею на воловью. Переѣхавъ черезъ Геллеспонтъ (зачѣмъ — не стоять и говорить объ этомъ), онъ почтилъ память Ахиллеса играми на гробѣ его, и выказалъ свою благодарность Аристотелю (за что, мы не сказали, потому что вамъ этого не нужно знать), присылая изъ Азіи ему рѣдкихъ звѣрей. Знаменитъ походъ его къ Юпитеру Аммону, храмъ котораго былъ въ Эзѣ (если вы помните статью о Лабрадорѣ, то знаете эту страну). Умеръ онъ 11 или 13 іюня 323 года. Поелѣ него осталась вдовою супруга его Роксана. Родомъ Александръ Македонскій былъ македонянинъ».

Не правда ли, вѣдь это тоже біографіи? Вотъ такого то характера почти всѣ біографіи въ *Справочномъ Словарѣ*:

Мы видѣли, какъ воспользовался *Справочный Словарь Военнымъ Энциклопедическимъ Лексикономъ*. Посмотримъ, какъ онъ пользуется другими матеріалами для русскихъ статей, и, для краткости, ограничимся однимъ извѣстнѣйшимъ: *Исторіею* Карамзина и *Ключомъ* къ ней г. Строева. Вотъ списокъ статей на букву Л, которыхъ редакція не замѣтила въ *Ключѣ*, или не сочла довольно важными, между тѣмъ, какъ помѣстила множество другихъ, гораздо важнѣе важныхъ:

Лавръ (половецъ, содѣйствовавшій бѣгству Игоря); *Ладожскій порогъ*; *Лазарь Домажиричъ*, бояринъ галицкій; *Лазарь*, тысящій кievскій; *Лаисъ*, городъ; *Лаче*, озеро; *Левъ*, царевичъ греческій; *Левъ Георгіевичъ*; *Леонидъ*, архіепископъ новгородскій; *Лешко Вѣлый* и *Лешко Черный*, герцоги польскіе; *Ли*, авглійскій посоль; *Лисовскій*; *Ліутпрандъ*; *Лобное мѣсто* (въ Москвѣ); *Лопастна* или *Лопасня*, рѣка; *Лука Клементіевичъ* и *Лука Федоровичъ*, посадники новгородскіе; *Лукомль*, городъ; *Луки Великіе*; *Лутичи*; *Луцкъ*; *Лыбедь*; *Лызловъ*; *Лыковъ-Оболенскій*, Мяхадль Юрьевичъ; *Любечъ*...

Разборъ нашъ показалъ, съ какою небрежностью составленъ *Справочный Словарь*. Но такова необходимость у насъ въ энциклопедическомъ словарѣ, что въ *Справочный Словарь* пріобрѣтеть издателямъ своимъ право на благодарность отъ многихъ, не имѣющихъ подъ руками ни иностранныхъ энциклопедій, ни большой бібліотеки русскихъ историческихъ и географическихъ книгъ. Дурно дѣлаетъ редакція, составляя свой словарь такъ небрежно; но хорошо она дѣлаетъ, что оканчиваетъ свое издаше, не останавливаясь на первыхъ томахъ, какъ это случилось съ *Энциклопедическимъ Лексикономъ* г. Плюшара.

К Р И Т И К А.

О поэзиі. Сочиненіе *Аристотеля*. Перевелъ, изложилъ и объяснилъ *Б. Ордынскій*. Москва. 1854.

Г. Ордынскій заслуживаетъ полнаго одобренія и благодарности за то, что предметомъ своего разсужденія избралъ «Питику» Аристотеля: это первый и капитальнѣйшій трактатъ объ эстетикѣ, служившій основаніемъ всѣхъ эстетическихъ понятій до самаго конца прошедшаго вѣка. Но точно ли ого выборъ удаченъ? Нынѣ довольно много найдется людей, не считающихъ эстетики наукою, заслуживающею особннаго вниманія, готовыхъ даже сказать, что эстетика ни къ чему не ведетъ и ни на что ненужна, и что пустоту ея нѣшаетъ видѣть развѣ только темнота ея. Но, съ другой стороны, едва ли изъ этихъ многихъ найдется хоть одинъ, который бы не говорилъ съ улыбкою состраданія о Лагарпѣ, что «у этого дѣйствительно умнаго и ученаго историка литературы нѣтъ никакихъ прочныхъ и опредѣленныхъ основаній для оцѣнки писателей», и который бы не примолвилъ съ сожалѣніемъ о Мерзляковѣ, что «этотъ критикъ, дѣйствительно-замѣчательный по тонкости вкуса, къ несчастью, былъ только «русскимъ Лагарпомъ», и потому надѣлалъ русской критикѣ, можетъ быть, больше вреда нежели пользы». Такіе отзывы, отъ которыхъ не откажется, вѣроятно, ни одинъ изъ соврсенныхъ недоброжелателей эстетики, почти избавляютъ насъ отъ надобности защищать необходимость этой науки отъ людей, столь сильно къ ней нерасположенныхъ и, однакожь, несомнѣвающихся въ необходимости «ясныхъ и твердыхъ общихъ началъ», для критика или историка литературы. Чтожь такое и понимается подъ эстетикою, если не система общихъ принциповъ искусства вообще и поэзиі въ особенности? Мы очень хорошо понимаемъ, что эстетика заслуживала спльнѣйшихъ преслѣдованій въ тѣ времена, когда изъ-за нея позабывали объ исторіи литературы, на двадцати-пяти листахъ толкуя объ «отличныхъ», «очень хорошихъ», «посредственныхъ» и «плохихъ» строфахъ какойнибудь оды, а кончивъ эту сортировку, опять на столькихъ же листахъ разбирали «сильныя» или «неправильныя» выраженія въ этихъ «отличныхъ», «посредственныхъ» и т. д. строфахъ. Но когда жь было у насъ это время, еще и доселѣ, къ несомнѣнному удовольствію французовъ, презирающихъ всякую эстетику, продолжающееся во французской литературѣ? Оно у насъ прекратилось съ 1830 годовъ, съ той поры, какъ начали мы знакомиться съ эстетикою. Ей обязаны мы тѣмъ, что въ самой плохой русской книгѣ не прочитаемъ, напримѣръ, слѣдующаго сужденія о «великихъ заслугахъ Боссюэта»,

взятаго вами изъ очень порядочной «Исторія Французской Литературы», г. Де-мажб (Paris, 1852!!): «Боссюэть одинъ образуетъ отдѣльный мѣръ въ великомъ литературномъ мѣрѣ XVII вѣка. Другіе писатели — дѣти Рима; онъ переноситъ на западъ Востокъ, *невѣроятно смѣлыми и новыми сочетаніями словъ, гигантскими фигурами* (par des alliances de mots d'une hardiesse et d'une nouveauté incroyables, par des figures gigantesques), которыхъ не ввухъ бы ему европейскій вкусъ, но которыя онъ умѣетъ покорять законамъ пропорціи, внося ибру въ самую неизмѣримость. Таковъ плодъ его постояннаго занятія и т. д. Это гениальное по ограниченности своей мѣсто такъ понравилось г-ну Демажб, что онъ занялъ его у другаго писателя, очень дѣльнаго историка, Анри Мартэна: вѣроятно г. Демажб считаетъ образцовымъ сужденіемъ о дѣятельности великаго писателя разсужденія о тропахъ и фигурахъ, которыми украшены его сочиненія!

Будемъ же благодарны эстетикѣ за то, что она избавила насъ отъ труда читать и писать подобныя сужденія о Державинѣ и Карамзинѣ. Повторяемъ: мы понимали бы вражду противъ эстетики, еслибъ она сама была враждебна исторіи литературы; но, напротивъ, у насъ всегда провозглашалась необходимость исторіи литературы; и люди, особенно-занимавшіеся эстетическою критикою, очень много— больше, нежели кто нибудь изъ нашихъ нынѣшнихъ писателей—сдѣлали и для исторіи литературы. У насъ эстетика всегда признавала, что должна основываться на точномъ изученіи фактовъ, и упреки въ отвлеченной неосновательности содержанія могутъ идти къ ней также мало, какъ напр., къ русской грамматикѣ. Если же прежде она не заслуживала вражды со стороны приверженцевъ историческаго изслѣдованія литературы, то еще менѣе можетъ заслуживать ее теперь, когда всякая теоретическая наука основывается на возможно-полномъ и точномъ изслѣдованіи фактовъ. Но мы готовы предполагать, что у насъ многіе ошибаются еще относительно современныхъ понятій о томъ, что такое теорія и что такое философія. У насъ еще многіо думаютъ, что у современныхъ мыслителей господствуютъ трансцендентальныя идеи объ «априорическомъ знаніи», «развитія науки самой-изъ-себя», ohne Voraussetzning и т. п.: смѣемъ ихъ увѣрить, что, по мнѣнію современныхъ мыслителей, эти понятія были очень хороши и, главное, необходимо нужны, какъ переходная ступень въ свое время, назадъ тому 40, 30 или, пожалуй, даже 20 лѣтъ, но не теперь: теперь они устарѣли, признаны односторонними и недостаточными. Смѣемъ увѣрить, что истинно-современныя мыслители понимаютъ «теорію» точно также, какъ понимаетъ ее Бэконъ, а вслѣдъ за нимъ астрономы, химики, физики, врачи и другіе адепты положительной науки. Правда, по этымъ новымъ понятіямъ не написано еще, сколько намъ извѣстно, формальнаго «курса эстетики»; но понятія, которыя будутъ лежать въ его основаніи, ужъ достаточно обозначились и развились въ отдѣльныхъ маленькихъ статьяхъ и эпизодахъ большихъ сочиненій. Смѣемъ даже утверждать, что и прежніе, нынѣ устарѣлые курсы такъ называемой трансцендентальной эстетики основываютъ свои положенія на гораздо большемъ числѣ фактовъ, нежели думаютъ ихъ противники. Вспомните, что въ главнѣйшемъ изъ этихъ курсовъ, составляющемъ всего *три* тома, историческая часть завмаетъ почти *два*, и большая половина третьяго наполнена также историческими подробностями. Но мы не хотимъ предполагать, чтобъ противники эстетики въ частности, или теорій вообще, нуждались въ этихъ напоминаніяхъ: не желая представлять ихъ людьми, отсталыми отъ современнаго

движенія мысля, мы скорѣе предположимъ другую, чрезвычайнѣе лестную причину нерасположенія къ эстетикѣ: непріятелю ея видать въ ней теорію отвлеченную и бесплодную и преслѣдуютъ ее изъ сильной приверженности въ знаніямъ «живымъ», имѣющимъ какое нибудь серьезное значеніе для такъ называемыхъ жизненныхъ вопросовъ. Съ этой точки зрѣнія, какъ увидимъ ниже, Платонъ нападалъ не на эстетику (это было бы еще не такъ важно, да притомъ эстетики въ платоново время и не существовало, кромѣ той, отрывки которой разсыяны въ его же собственныхъ сочиненіяхъ)—нѣтъ, онъ нападалъ на самое искусство, и мы только сожалѣемъ, что искусство заслуживало до нѣкоторой степени его нападеній, но не можемъ не сочувствовать и Платону. Если же поэзія, литература, искусство признаются предметомъ такой важности, что исторія, напримѣръ, литературы должна быть предметомъ всеобщаго вниманія и изученія, то и общіе вопросы о сущности, значеніи, вліяніи поэзіи, литературы, искусства, должны имѣть огромный интересъ, потому что отъ разрѣшенія ихъ зависитъ взглядъ нашъ на предметъ; а именно для того, чтобъ образовался ясный и правильный взглядъ, нужны факты. Зачѣмъ же и знать ихъ, если не для того, чтобъ дѣлать изъ нихъ выводы? Словомъ: намъ кажется, что весь споръ противъ эстетики основывается на недоразумѣніи, на ошибочности понятій о томъ, что такое эстетика и что такое всякая теоретическая наука вообще. Исторія искусства служитъ основаніемъ теоріи искусства, потому теорія искусства помогаетъ болѣе совершенной, болѣе полной обработкѣ исторіи его; лучшая обработка исторіи послужитъ дальнѣйшему усовершенствованію теоріи, и такъ далѣе, до безконечности будетъ продолжаться это взаимодѣйствіе на обоюдную пользу исторіи и теоріи, пока люди будутъ изучать факты и дѣлать изъ нихъ выводы, а не обратятся въ ходячія хронологическія таблицы и библиографическіе реестры, лишенные потребности мыслить и способности соображать. Безъ исторіи предмета нѣтъ теоріи предмета; но и безъ теоріи предмета нѣтъ даже мысли о его исторіи, потому что нѣтъ понятія о предметѣ, его значеніи и границахъ. Это такъ же просто, какъ то, что дважды-два—четыре, а единица есть единица; но мы знаемъ людей, доказывающихъ, посредствомъ ньютонова бинома, что единица равняется двумъ...

Впрочемъ, у насъ многое еще имѣетъ интересъ новости, многое, кромѣ вѣсколькихъ обыкновенно-ничтожныхъ книжечекъ на различныхъ языкахъ, а чаще всего на французскомъ, въ родѣ твореній какого-нибудь Мишеля Шевалье и ему подобныхъ «великихъ ученыхъ», «глубокомысленныхъ и вѣстѣ ясныхъ мыслителей» да еще послѣднихъ номеровъ *Revue des deux Mondes*, съ его великими мудрецами. Эти книги не составляютъ ни тайны, ни новости ни для кого: за-то онѣ служатъ кодексомъ для нѣкоторыхъ мыслителей, предметомъ ихъ глубокихъ размышленій. По всей вѣроятности, въ нихъ-то и заключается причина отвращенія многихъ отъ эстетики: эти книги и статьи натолковали намъ, въ числѣ многихъ истинъ, и ту, что эстетика наука темная, мертвая, отвлеченная, ни къ чѣму непріложимая.

Эстетика наука мертвая! Мы не говоримъ, чтобъ не было наукъ живѣй ея; но хорошо было бы, еслибъ мы думали объ этихъ наукахъ. Нѣтъ, мы превозносимъ другія науки, представляющія гораздо менѣе живаго интереса. Эстетика наука бесплодная! Въ отвѣтъ на это спросимъ: помнимъ ли мы еще о Лессингѣ, Гете и Шиллерѣ, или ужь они потеряли право на наше воспоминаніе съ тѣхъ

воръ, какъ мы познакомились съ Теккеремъ? Признаемъ ли мы достоинство вѣмецкой поэзіи второй половины прошедшаго вѣка?...

Но, можетъ быть, нѣкоторые возстаютъ не противъ самой пользы и необходимости теоретическихъ выводовъ, а противъ стѣсненія ихъ въ узкія рамки системы? Прекрасное побужденіе къ враждѣ, еслибъ только оно имѣло какое нибудь основаніе, еслибъ кто нибудь изъ современныхъ людей смотрѣлъ на чью бы то ни было систему какой бы то ни было науки, какъ на вѣчное вмѣстилище всей истины. Но теперь почти всѣ (и составители системъ обыкновенно искреннѣе всѣхъ) говорятъ, что всякая система порождается и разрушается, или, лучше сказать, *измѣняется* вмѣстѣ съ понятіями времени, ее произведшего; теперь никто не принуждаетъ васъ *«jugate in verba magietri»*: система — только временной переплетъ для науки; и если вы дѣйствительно выросли выше понятій системы, не отвергать науку будете вы, а создадите новую систему ея — и всѣ будутъ вамъ благодарны. Систематичность науки не представляетъ препятствій къ ея развитію. Учите насъ, и чѣмъ больше новаго будетъ въ вашей новой системѣ, тѣмъ больше будетъ вамъ славы. А неприведенными въ одно стройное цѣлое истинами неудобно пользоваться: кто составилъ систему науки, тотъ одинъ сдѣлалъ науку общедоступною, и его понятія разольются въ массѣ, хотя бы у другихъ были понятія гораздо глубже, нежели у него; что не формулировано, то остается бездѣйственнымъ.

И лучший примѣръ того, какое важное условіе для плодотворности мыслей система, представляетъ намъ «Питтика», или, какъ называетъ ее г. Ордынский, «Сочиненіе Аристотеля о поэзіи». Аристотель первый изложилъ въ самостоятельной системѣ эстетическія понятія, и его понятія господствовали слишкомъ 2,000 лѣтъ; а у Платона больше, нежели у него, найдется истинно великихъ мыслей объ искусствѣ: можетъ быть, даже его теоріи не только глубже, но и полнѣе аристотелевой, но она не облечена въ систему и до новѣйшаго времени не обращала на себя почти никакого вниманія.

Чтобъ показать, какой интересъ и въ наши времена еще имѣютъ эстетическія понятія этихъ людей, жившихъ до насъ 2,200 лѣтъ, попробуемъ изложить въ краткомъ очеркѣ самые общіе, самые отвлеченные вопросы ихъ эстетики: «объ источникѣ и значеніи искусства». Конечно, въ современной теоріи рѣшеніе этихъ вопросовъ представляетъ гораздо болѣе живаго и интереснаго; но... кто, по вашему мнѣнію, выше: Пушкинъ или Гоголь? Я вчера слышалъ споръ объ этомъ, и на него готовы отвѣчать Платонъ и Аристотель. Въ самомъ дѣлѣ, рѣшеніе зависитъ отъ понятій о сущности и значеніи искусства. Ислушаемъ же мнѣніи объ этомъ предметѣ нашихъ великихъ учителей въ дѣлѣ эстетическаго суда. Если сущность искусства дѣйствительно состоитъ, какъ нынче говорятъ, въ идеализаціи; если цѣль его — «доставлять сладостное и возвышенное ощущеніе прекраснаго», то въ русской литературѣ нѣтъ поэта равнаго автору «Полтавы», Бориса Годунова», «Мѣднаго Всадника», «Каменнаго Гостя» и всѣхъ этихъ безчисленныхъ, благоуханныхъ стихотвореній; если же отъ искусства требуется еще нѣчто другое, тогда... но въ чемъ же, кромѣ этого, можетъ состоять сущность и значеніе искусства?

Итакъ, въ чемъ состоитъ сущность искусства? Что именно дѣлаетъ живописецъ, изображая пейзажъ, или группу людей; поэтъ, изображая въ лирическомъ стихотвореніи восторги или страданія любви, въ романѣ или драмѣ — людей съ ихъ

страстями и характерами? «Онъ идеализируетъ природу и людей. Сущность искусства состоитъ въ созданіи идеаловъ», отвѣчаетъ господствующая нынѣ эстетическая теорія «въ человѣкѣ есть предчувствіе и потребность чего-то лучшаго и полнѣйшаго, нежели блѣдная и скудная дѣйствительность («проза жизни», по выраженію дюжинныхъ романистовъ), которой не удовлетворяется его безсмертный духъ. Это лучшее и полнѣйшее (идеаль) живо постигается художникомъ и передается жаждущему человечеству въ созданныхъ искусства». Прѣжняя теорія искусства говорила не такъ *): «искусство—болыне ничего, какъ подражаніе тому, что мы видимъ въ дѣйствительности; картины, статуи, романы, драмы—болыне ничего, какъ копія съ подлинниковъ, представленныхъ художнику дѣйствительностью». Эта теорія, надъ которою нынѣ смѣются, потому что знаютъ ее только въ искаженной передѣлкѣ Буало и Батте, дѣйствительно достойной осмѣянія, извѣстна подъ названіемъ аристотелевой. Въ самомъ дѣлѣ, Аристотель признавалъ ее справедливою: въ тѣхъ отдѣленіяхъ его трактата «О поэтической искусствѣ», въ которыхъ находятся общія соображенія о происхожденіи и сущности искусства вообще и поэзіи въ частности, основная мысль дѣйствительно та, что «искусство есть подражаніе». Но совершенно несправедливо было бы считать Аристотеля творцомъ «теоріи подражанія»: она, по всей вѣроятности, господствовала еще задолго до Сократа и Платона, а развита у Платона гораздо глубже и многостороннѣе, нежели у Аристотеля. Полагая основаніемъ своихъ понятій объ искусствѣ мысль, что она «состоитъ въ подражаніи», Платонъ не ограничивается тѣми довольно недалекими приложеніями коренного принципа, какими довольствуется Аристотель. Поэзія есть подражаніе, говоритъ Аристотель: слѣдовательно, трагедія есть подражаніе дѣйствіемъ великихъ людей, комедія—подражаніе дѣйствіемъ низкихъ людей; другихъ выводовъ не найдемъ у него. Платонъ, напротивъ, извлекаетъ изъ своего понятія объ искусствѣ живыя, блестящія, глубокомысленныя заключенія; опираясь на свою аксіому, онъ опредѣляетъ значеніе искусства въ жизни человѣческой, его отношенія къ другимъ направленіямъ дѣятельности; вооружась ею, Платонъ уличаетъ искусство въ бѣдности, слабости, безполезности, ничтожествѣ. Его сарказмы жестоки и мѣткі, можетъ быть, односторонни, особенно для нашего времени, но во многомъ справедливы и благородны, при всей своей односторонности. Но, чтобъ объяснить презрѣніе Платона къ искусству, надобно сказать нѣсколько словъ о существенномъ направленіи его ученія.

Платона многіе считаютъ какимъ-то греческимъ романтикомъ, вздыхающимъ о невѣдомомъ и туманномъ, чудномъ и прекрасномъ краѣ, стремящимся «туда, туда» (dahin, dahin), неизвѣстно куда, только далеко, далеко отъ людей и земли... Платонъ былъ вовсе не таковъ. Дѣйствительно, онъ былъ одаренъ возвышенною душою, и все благородное и великое увлекало его до энтузіазма; но онъ не былъ празднымъ мечтателемъ, думалъ не о звѣздныхъ мірахъ, а о землѣ, не о призракахъ а о человѣкѣ. И прежде всего Платонъ думалъ о томъ, что человѣкъ долженъ быть гражданиномъ государства, не мечтать о ненужныхъ для государства вещахъ, а *жить* благородно и дѣятельно, содѣйствуя матеріальному и нравственному бла-

*) Считаю почти за излишнее замѣчать, какъ очевидное для каждаго знакомаго съ предметомъ, что почти исключительно мы пользовались при этомъ изложеніи греческихъ эстетическихъ понятій прекраснымъ сочиненіемъ Э. Мюллера „Geschichte der Theorie der Kunst bei den Alten. 2 Bde. Breeleu. 1834—1837.

госоостоянію своихъ сограждавъ. Благородная, но не мечтательная, не умоглядная (какъ для Аристотеля), а дѣятельная, практическая жизнь была для него идеаломъ человѣческой жизни. Не съ ученой или артистической, а съ общественной и нравственной точки смотрѣлъ онъ на науку и искусство, какъ и на все. Не человѣкъ живетъ для того, чтобъ быть артистомъ или ученымъ (какъ думали многіе великіе философы, между прочимъ, Аристотель), а наука и искусство должны служить для блага человѣка. Послѣ этого понятно, какъ Платонъ долженъ былъ смотрѣть на искусство, которое, большею частью, служить (должно ли служить, это другой вопросъ) а во время Платона почти исключительно служило прекрасною, съ тѣмъ вмѣстѣ, чрезвычайно дорогою и, можетъ быть, очень, благородною забавою, но все-таки забавою для людей, которымъ нечего дѣлать, кромѣ того, какъ любоваться на юлѣе или менѣе сладострастные картины и статуи, да упиваться мелодіею болѣе или менѣе сладострастныхъ стиховъ. <Искусство—забава>: этимъ рѣшено для Платона все. А что онъ не клеветалъ на искусство, признавая его забавою, лучше всего свидѣтельствуетъ намъ одинъ изъ серьезнѣйшихъ поэтовъ Шиллеръ, конечно, не враждебными глазами смотрѣвшій на свое искусство: Кантъ, по его мнѣнію, совершенно справедливо называетъ искусство *игрою* (или забавою, *das Spiel*) потому что <только играя, человѣкъ въполнѣ человѣкъ> *). Представимъ же теперь мнѣнія Платона о значеніи искусства, выпуская, однако, слишкомъ жесткія изъ его нападеній.

Искусства, говоритъ Платонъ, бываютъ двухъ родовъ: производительныя и подражательныя (по нашей терминологіи: практическія или техническія и изящныя). Первые производятъ что нибудь нужное для жизни, годное для употребленія. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, земледѣліе, ремесла, гимнастика, дающая человѣку силы, и медицина, дающая ему здоровье. Имъ полное уваженіе. Но какое сравненіе могутъ выдержать съ ними подражательныя искусства (впредь мы, сообразно нынѣшней терминологіи, будемъ называть ихъ изящными), которыя не даютъ человѣку ничего, кромѣ обманчивыхъ, ни въ какое употребленіе не годныхъ копій съ дѣйствительныхъ предметовъ? Ихъ значеніе ничтожно. Къ чему они служатъ? Къ пріятному, но бесполезному препровожденію времени. Это игра, пустая въ глазахъ серьезнаго человѣка. Но нѣкоторыя игры (напр. гимнастическія) имѣютъ серьезную цѣль; изящныя искусства ея не имѣютъ. Нѣтъ, они стараются только забавлять; они только хотятъ угодить толпѣ; они принадлежатъ къ одному разряду занятій съ съ риторикою (искусствомъ подбирать красными слова) и софистикою (искусствомъ говорить не полезное, а пріятное слушателямъ), съ парикмахерскимъ и поварскимъ искусствами. И живопись, и музыка, и поэзія, даже возвышенная и превозносимая трагедія—искусства угодничества, лести, потому что стараются только объ удовольствіи, а не о пользѣ толпы (замѣтимъ, что подобнымъ же образомъ смотритъ на изящныя искусства авторъ <Эмиля> и <Новой Элоизы>; Камне, знаменитый нѣмецкій педагогъ, также говоритъ: <выпрямь фунтъ шерсти полезнѣе, нежели написать томъ стиховъ>). А между тѣмъ, какъ высоко ставятъ себя эти ничтожныя искусства! Живописецъ, напримѣръ, говоритъ, что создаетъ и деревья, и людей, и венлю; и море! да еще какъ скоро — въ одну минуту! и потомъ продаетъ вамъ и венлю и море за золотую монету. Правда, его созданія не стоятъ и мѣдной, по-

*) «Объ эстетич. воспит. человѣка», письмо 13 и слѣд.

тому что они пустыя призрака, годныя лишь на то, чтобъ обманывать ребятишекъ. И эти фокусники еще не хотятъ признавать себя подражателями — нѣтъ, они говорятъ вамъ о творчествѣ! (Изъ этого видимъ, что идея, служащая основаніемъ господствующей нынѣ эстетической теоріи, существовала уже и при Платонѣ: «искусство и творчество»). И могутъ ли они дать что нибудь, кроиѣ плохой, невѣрной кони? Вѣдь художнику нѣтъ дѣла до внутренняго содержанія: ему нужна только оболочка; онъ довольствуется поверхностнымъ знаніемъ поверхности предмета: ее копируетъ онъ; дальше ея ничего не знаетъ (новѣйшая эстетика, согласно съ этими художниками, или, скорѣе, съ ѣдкими сарказмами Платона, говорящего за нихъ, признаетъ, что «прекрасное, существенное содержаніе искусства—призракъ, пустой призракъ», ein Schein, ein geiner Schein, и что искусство имѣетъ дѣло только съ поверхностью, оболочкою предмета, die Oberfläche). Устройство человѣческаго тѣла извѣстно врачу—живописецъ его не знаетъ. Такъ и поэтъ не знаетъ основательно жизни и сердца чловѣческаго: это знаніе достигается только глубокимъ изученіемъ философіи (по нынѣшней терминологіи «только путемъ науки»), а не отрывочными наблюденіями собственной опытности, слишкомъ неполной и поверхностной. И заслуживаютъ ли даже имени искусства эти гордый изящныя искусства? Нѣтъ! Чтобъ моя дѣятельность достойна была имени искусства, мнѣ необходимо имѣть ясное сознаніе о томъ, что я дѣлаю—художникъ не имѣетъ его. Столяръ, дѣлая столъ, знаетъ, что, зачѣмъ и какъ онъ дѣлаетъ: живописецъ и поэтъ сами не знаютъ истинной природы предметовъ, которымъ подражаютъ. Ихъ искусство не искусство, а слѣпая работа по темному инстинкту, наудачу; они называютъ это «вдохновеніемъ»; на самомъ дѣлѣ съ вдохновеніемъ соединяется у нихъ невѣжество самоучки *). Изыщныя искусства—пустая игра, не заслуживающая имени искусства...

Полемика Платона противъ искусства чрезвычайно сурова — правда, но порождена высокимъ и благороднымъ взглядомъ на человѣческую дѣятельность. И легко было бы показать, что многія изъ строгихъ обличеній платоновыхъ продолжаютъ быть справедливыми и въ отношеніи къ современному искусству. Но гораздо пріятнѣе говорить за искусство, нежели противъ искусства, и потому, отказываясь отъ тяжелой обязанности указывать и въ новѣйшемъ искусствѣ тѣ слабыя стороны, которыя общи ему съ греческимъ, мы постараемся только показать, какими соображеніями могутъ быть въ наше время смягчены нѣкоторыя изъ безусловныхъ приговоровъ Платона о ничтожности значенія изящныхъ искусствъ.

*) Для объясненія послѣднихъ словъ надобно замѣтить, что Платонъ нѣпадаетъ не на «вдохновеніе», а на то, что очень многіе поэты (не говоря уже одругихъ художникахъ) къ величайшему вреду искусства, полагаясь на одиѣ силы «творческаго генія, инстинктомъ прозирающаго въ тайны природы и жизни», пренебрегаютъ наукою, которая избавляетъ отъ пустоты и ребяческой отсталости содержанія:

«Ich singe, wie der Vogel singt».

говорятъ они; за то ихъ пѣше, подобно соловьиной пѣснѣ, остается годнымъ только для забавы отъ нечего дѣлать, очень скоро надоедающей, какъ и слушанье соловьиной пѣсни. Прекрасное ученіе, что поэтъ пишетъ по вдохновенію, чуждому венкой прасчитанности, и что произведенія придумывающаго, разочтывающаго поета холодны, непозитичны—господствовало въ Греціи со временъ гениальнаго Демокрита. У Аристотеля вдохновеніе стоитъ ужъ на второмъ планѣ: онъ учитъ писать трагедіи, подбирать эффектныя завязки и развязки по рецепту. Изъ этого даже видно, что Аристотель, какъ встѣтикъ, принадлежитъ временамъ паденія искусства: вмѣсто живаго духа, у него ученныя правила, холодный формализмъ. Отъ Гораціи и Буало, отъ всѣхъ послѣдующихъ составителей «реторикъ» и «шпикъ», отличается онъ только, какъ гениальный учитель отъ ограниченныхъ учениковъ: различіе здѣсь не въ сущности понятій, а въ степени ума, ихъ развивающаго.

Платонъ возстаеъ противъ искусства за то, что оно безполезно для человѣка. Не будемъ опровергать этого страшнаго упрека устарѣлою мыслью, что «искусство должно существовать для искусства», что «дѣлать искусство служителемъ человѣческихъ нуждъ, значить унижать его» я т. п. Мысль эта имѣла смыслъ тогда, когда надобно было доказывать, что поэтъ все долженъ писать великолѣпныхъ одъ, не долженъ искажать дѣйствительности въ угоду различнымъ производнымъ и приторнымъ сентенціямъ. Къ сожалѣнію, для этого она появилась ужъ слишкомъ поздно, когда борьба была кончена; а теперь и подавно она ни къ чему ненужна: искусство успѣло ужъ отстоять свою самостоятельность и должно думать о томъ, какъ ею пользоваться. «Искусство для искусства» — мысль такая же странная въ наше время, какъ «богатство для богатства», «наука для науки» и т. д. Всѣ человѣческія дѣла должны служить на пользу человѣку, если хотятъ быть испустымъ и вразнымъ занятіемъ: богатство существуетъ для того, чтобъ имъ пользовался человѣкъ, наука для того, чтобъ быть руководительницею человѣка; искусство также должно служить на какую-нибудь существенную пользу, а не на безплодное удовольствіе. «Но именно эстетическое наслажденіе само по себѣ приноситъ существенное благо человѣку, смягчая его сердце, возвышая его душу»... Мы не хотимъ выводить серьезное значеніе искусства и изъ этой мысли — справедливой, но еще мало говорящей въ пользу искусства. Конечно, наслажденіе произведешями искусства, какъ и всякое (нопреступное) удовольствіе производить въ человѣкѣ свѣтлое, радостное расположеніе духа; а радостный и довольный человѣкъ, конечно, добрѣе и лучше, нежели недовольный и мрачный. И мы согласны, что, выходя изъ картинной галереи или изъ театра, человѣкъ чувствуетъ себя и добрѣе, и лучше (по крайней мѣрѣ на полчаса, пока не разлетѣлось эстетическое довольство); но точно также и изъ за сытнаго обѣда человѣкъ встаетъ снисходительнѣе, добрѣе того, каковъ былъ съ опощавшимъ желудкомъ. Благодѣтельное вліяніе искусства, какъ искусства (независимо отъ такого или иного содержащаго его произведеній), состоитъ почти исключительно въ томъ, что искусство — вещь пріятная; подобное же благодѣтельное качество принадлежитъ всѣмъ другимъ пріятнымъ занятіямъ, отношеніямъ, предметамъ, отъ которыхъ зависитъ «хорошее расположеніе духа». Здоровый человѣкъ гораздо менѣе эгоистъ, гораздо добрѣе, нежели больной, всегда болѣе или менѣе раздражительный и недовольный, хорошая квартира также больше располагаетъ человѣка къ добротѣ, нежели сырая, мрачная, холодная; спокойный человѣкъ (т. е. находящійся не въ непріятномъ положеніи) добрѣе, нежели раздосадованный и т. д. И надобно сказать, что практическія, житейскія, серьезныя условія довольства своимъ положеніемъ дѣйствуютъ на человѣка сильнѣе и постояннѣе, нежели пріятныя впечатлѣнія, доставляемыя искусствомъ. Для большинства людей, оно — только развлеченіе, то есть довольно ничтожная вещь, немогущая принести серьезнаго довольства. И, взвѣсивъ хорошенько факты, мы убѣдимся, что многія сакны неблестящія, обыденныя развлеченія больше вносятъ довольства и благорасположенія въ человѣческое сердце, нежели искусство: еслпбъ явился между нами Платонъ, вѣроятно, сказалъ бы онъ, что, напримѣръ, сидѣнье на завалинѣ (у поселянъ), или вокругъ самовара (у горожанъ) больше развило въ нашемъ народѣ хорошаго расположенія духа и добраго расположенія къ людямъ, нежели всѣ произведенія живописи, начиная съ лубочныхъ картинокъ до «Послѣдняго дня Помпеи». Польза, приносимая искусствомъ, какъ однимъ изъ источниковъ довольства, раз-

вitiю всего хорошаго въ человѣкѣ, несомнѣнна, но ничтожна въ сравненiи съ пользою, приносимою другими благопрiятными отношенiями и условiями жизни; потому и не хотимъ мы указывать на нее для того, чтобъ показать высокое значенiе искусства въ жизни. Правда, обыкновенно влiшiе искусства на нравственное развитiе понимаютъ не такъ, какъ мы его представили, и говорятъ будто бы эстетическое наслажденiе не просто, какъ источникъ хорошаго расположенiя духа, смягчаетъ сердце, а непосредственно возвышаетъ и облагораживаетъ душу, по высшности и благородству предметовъ и чувствъ, которыми прельщаемся мы въ произведенiяхъ искусства; обыкновенно говорятъ, что представляющееся намъ «прекраснымъ» въ искусствѣ есть ужъ по этому самому благородное и возвышенное. Но мы, рѣшительно не желая касаться щекотливаго вопроса о серьезномъ значенiи существеннаго содержанiя въ болъшей части произведенiй искусства, не хотѣли даже выписывать грозныхъ нападенiй Платона на искусство за его содержанiе; тѣмъ не менѣе сами будемъ вдаваться въ эти нападенiя. Напомнимъ только, что искусство должно угождать требованiямъ публики, а большинство, смотрящее на него какъ на развлеченiе, конечно, требуетъ отъ развлеченiя не возвышенности или благородства содержанiя, а грациозности, интересности, забавности, даже легкости. Одинъ изъ серьезнѣйшихъ и благороднѣйшихъ поэтовъ нашего времени говоритъ въ пределовiи въ своимъ пѣснямъ: «Я хотѣлъ бы воспѣвать вовсе не любовь, но кто сталъ бы читать мои пѣсни, еслибъ ихъ содержаше было серьезно? Поэтому, написавъ нѣсколько серьезныхъ пѣсенъ, которыя однѣ хотѣлъ бы я писать, я долженъ былъ потопить ихъ во множествѣ любовныхъ пѣсенокъ для того, чтобъ вмѣстѣ съ этими приманками публика поглотила и здоровую пищу». Таково почти всегда положенiе художника, имѣющаго серьезное и благородное направленiе (не хотимъ прибавлять, что не всѣ изъ художниковъ имѣють его). Кому эти краткiе намеки покажутся недостаточными, тотъ пусть потрудится припомнить, что главнѣйшее содержаше поэзiи (самаго серьезнаго изъ искусствъ) — «любовь», т. е. влюбленность, очень далекая отъ истинной любви и очень мало имѣющая серьезнаго значенiя. Обыкновенная забота искусства — заинтересовать, завлечь, чѣмъ и какъ — все равно.

Но если, стремясь къ этой цѣли, искусство почти всегда позабываетъ о другихъ, важнѣйшихъ цѣляхъ, то надобно признаться, что завлекаетъ огромную массу оно очень удачно, и этимъ самымъ, вовсе о томъ не думая, содѣйствуетъ распространенiю образованности, ясныхъ понятiй о вещахъ — всего, что приноситъ умственную, а потомъ принесетъ и материальную пользу людямъ. Искусство или, лучше сказать, поэзiи (одна только поэзiя, потому что другiи искусства очень мало дѣлають въ этомъ отношенiи) распространяетъ въ массѣ читателей огромное количество свѣдѣнiй и, что еще важнѣе, знакомство съ понятiями, вырабатываемыми наукою — вотъ въ чемъ заключается великое значенiе поэзiи для жизни.

Въ наше время странно уже — хотя, быть можеть, и вовсе еще неизлишне — пускаться въ подробныя объясненiя того, что такое наука, въ чемъ состоитъ и какъ велико ея значенiе для жизни. Въ наукѣ хранятся плоды опытности и размышленiй человѣческаго рода, и главнѣйшимъ образомъ на основанiя науки улучшаются понятiя, а потомъ нравы и жизнь людей. Но открытiя и соображенiя науки приноситъ дѣйствительную пользу только тогда, когда разливаются въ массѣ публики. Наука сурова и несаманчива въ своемъ настоящемъ видѣ; она не при-

влечет толпы. Наука требует от своих адептов очень много приготовительных познаний и, что еще рѣже, встрѣчается въ большинствѣ—привычки къ серьезному мышленію. Поэтому, чтобъ проникнуть въ массу, наука должна сложить съ себя форму науки. Ея крѣпкое зерно должно быть перемолото въ муку и разведено водою для того, чтобъ стать пищею, вкусною и удобоваримою. Это достигается «популярнымъ» изложеніемъ науки. Но и популярныя книги еще не исполняютъ всего, что нужно для распространенія понятій о наукѣ въ большинствѣ публики: онѣ предлагаютъ чтеніе легкое, но не заманчивое—а большинство читателей хочетъ, чтобъ книга была сладкимъ десертомъ. Это обольстительное чтеніе представляютъ ему романы, повѣсти и т. д. Безъ всякаго сомнѣнія, очень немногіе беллетристы думаютъ, подобно Вальтеръ-Скотту, употреблять свой талантъ именно для распространенія образованности между читателями. Но какъ изъ разговора съ образованнымъ человѣкомъ малообразованный всегда вынесетъ кація-нибудь новыя свѣдѣнія, хотя бы разговоръ и не касался повидимому ничего серьезнаго, такъ и изъ чтенія романовъ, повѣстей, по крайней мѣрѣ историческихъ, даже стихотвореній, которыя пишутся людьми, во всякомъ случаѣ стоящими по образованности выше, нежели большинство ихъ читателей, масса публики, не читающая ничего, кромѣ этихъ романовъ и повѣстей, узнаетъ многое. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что не только «Юрій Милоелавскій», но даже и «Леонидъ, или нѣкоторыя черты и т. д.» значительно распространили кругъ свѣдѣній своихъ читателей. Если популярныя книги перечеканиваютъ въ ходячую монету, тяжелый слитокъ золота, выплавленный наукою, то поэзія пускаетъ въ ходъ мелкія серебряныя деньги, которыя обращаются и тамъ, куда рѣдко заходитъ золотая монета, и которыя все-таки имѣютъ свою неотъемлемую цѣнность. Поэзія, какъ распространительница знаній и образованности, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для жизни. «Забава» ея приноситъ пользу умственному развитію забавляющагося; потому, оставаясь забавою для массы читателей, поэзія получаетъ серьезное значеніе въ глазахъ мыслителя.

Итакъ, принуждены будучи признать справедливость очень многихъ нападеній Платона на искусство, мы, однако, въ правѣ сказать, что поэзія имѣетъ высокое значеніе для образованности и идущаго вслѣдъ за нею улучшенія нравовъ и материальнаго благосостоянія; она имѣетъ это значеніе даже и тогда, когда не заботится о немъ. Но много было поэтовъ, которые сознательно и серьезно хотѣли быть служителями нравственности и образованности, понимали, что вмѣстѣ съ талантомъ получили они обязанность быть наставниками своихъ согражданъ. Были такіе поэты и во время Платона; достовѣрно мы знаемъ съ этой стороны Аристофана. «Поэтъ—учитель взрослыхъ», говоритъ онъ—и всѣ его комедіи проникнуты самымъ серьезнымъ направленіемъ. Излишне и говорить о томъ, какое важное практическое значеніе получаетъ поэзія въ ихъ рукахъ. Но если Платонъ впадаетъ въ односторонность, считая поэзію только пустою забавою, то за нимъ остается заслуга, что онъ смотрѣлъ на искусство въ связи съ жизнью; а оправданіе его порицаніямъ находится въ понятіяхъ объ искусствѣ большей части художниковъ и даже философовъ, которые полагаютъ, что значеніе искусства не зависитъ отъ его житейской пользы, что «служить какимъ бы то ни было интересамъ, кромѣ собственныхъ, унижительно и пагубно для искусства», что «оно само себѣ цѣль», что «доставлять эстетическое наслажденіе—единственное назначеніе искусства». Эти господствующія воззрѣнія дѣйствительно отнимаютъ у искусства всякое дѣльное значеніе, превращаютъ его

въ пустую игру и виолнѣ заслуживаютъ грозныхъ изобличеній Платона, доказывающаго, что, отказываясь отъ практическаго значенія для жизни, искусство, какъ и всякое дѣло, не имѣющее такого значенія, становится пустою забавою въ глазахъ мыслителя.

Аристотель, уступая Платону въ возвышенности требованій, гораздо снисходительнѣе, даже съ любовью смотритъ на искусство, особенно на поэзію и музыку; его понятія о значеніи музыки и поэзіи не такъ поучительны, какъ платоновы, но гораздо многостороннѣе—правда, съ тѣмъ вмѣстѣ иногда и мелочны.

Первую пользу искусства для человѣка (потому что и Аристотель требуетъ отъ искусства *пользы*) онъ видитъ именно въ томъ, въ чемъ Платонъ находитъ причину блѣдности и ничтожности произведеній искусства сравнительно съ живою дѣйствительностью—въ томъ, что искусство есть подражаніе. «Стремленіе къ подражанію, которое служитъ источникомъ искусствъ, находится въ непосредственной связи съ любознательностью. Любознательность, заставляющая сравнивать копію съ подлинникомъ—причина и того удовольствія, которое доставляютъ намъ произведенія искусства: подражая предмету, а потомъ сравнивая подражаніе съ оригиналомъ мы изучаемъ предметъ, изучаемъ его легко и скоро; въ этомъ тайна наслажденія приносимаго искусствомъ. «Итакъ, искусство находится въ ближайшей родствѣ съ важнѣйшимъ и высочайшимъ стремленіемъ человѣческаго духа; потому что Аристотель ставитъ науку выше жизни, умственную дѣятельность выше практической: образъ мыслей, очень легко рождающійся у людей, для которыхъ наука — главнѣйшая цѣль жизни. Искусству, этия объясненія его происхожденія, назначается очень почетное мѣсто среди возвышеннѣйшихъ направленій человѣческаго духа; но объясненіе страсти къ подражанію изъ любознательности не выдерживаетъ критики. Подражаемъ вообще мы изъ желанія сдѣлать, а не узнать что-нибудь: подражаніе—не теоретическое, а практическое стремленіе. Справедливо только то, что *иногда* (довольно рѣдко) мы *читаемъ* произведенія поэзіи изъ желанія познакомиться съ нравами людей, съ обычаями народовъ далекихъ отъ насъ, и т. п.: но и читаемъ мы произведенія поэзіи обыкновенно вовсе не по этому побужденію, а возникаютъ они рѣнительно не изъ желанія поэта уяснить себѣ какой-нибудь вопросъ (какъ пинутся ученые трактаты): стремленіе *создавать* (черезъ подражаніе или «воспроизведеніе», какъ выражаются нынѣ), производить — источникъ поэтической дѣятельности; восхищеніе творческимъ талантомъ, удовольствіе, происходящей отъ сознанія гениальности человѣческой—источникъ наслажденія, доставляемаго вамъ произведеніями искусства. Не указываемъ другихъ источниковъ искусства и наслажденія искусствомъ, потому что это отвлекло бы насъ далеко отъ Аристотеля (точно также и выше, пополняя мнѣнія Платона, мы ограничились указаніемъ одной только стороны высокаго значенія искусства, чтобы не вдаваться въ излишніи подробности).

Но если Аристотель одностороннимъ образомъ объясняетъ стремленіе человѣка къ подражанію и происхожденіе искусства, то нельзя не отдать ему полной справедливости за то, что онъ старается отыскать для искусства высокое значеніе въ области умственной дѣятельности; и если нельзя согласиться съ его мнѣшемъ объ источникѣ искусства вообще, то нельзя безъ удивленія видѣть, какъ вѣрно опредѣляетъ онъ отношеніе поэзіи къ философіи: поэзія, изображающая человѣческую жизнь съ общей точки зрѣнія, представляющая не случайныя и ничтожныя

мелочи ея, а то, что есть въ жизни существеннаго и характеристическаго, чрезвычайно много имѣть, какъ думаютъ Аристотель, философскаго достоинства. Она въ этомъ отношеніи даже гораздо выше, по его мнѣнію, нежели исторія, которая безъ разбора должна описывать и важное и неважное, и существенное, характеристическое, и случайные, не имѣющіе никакого внутренняго значенія факты; поэзія гораздо выше исторія также и потому, что представляетъ все во внутренней связи, между тѣмъ, какъ исторія безъ всякой внутренней связи, по хронологическому порядку рассказываетъ разнородные факты, не имѣющіе между собою ничего общаго. Въ поэтической картинѣ смыслъ и связь; въ исторіи множество не говорящихъ ничего нужнаго подробностей, и нѣтъ связи; она даетъ не картины, а только отрывки картинъ. Вотъ это глубокомысленное и знаменитое мѣсто, въ переводѣ г. Ордынскаго, выписку изъ котораго дѣлаемъ для того, чтобы познакомить читателей съ его языкомъ:

«Дѣло поэта—излагать не столько случающееся, сколько то, что могло бы случиться, т. е. возможное по вѣроятію или по необходимости. (*Мысль, досель служащая основаніемъ нашимъ понятіямъ о томъ, какъ долженъ поэтъ пользоваться матеріалами, доставляемыми ему дѣйствительностью, что изъ нихъ долженъ онъ брать для своихъ картинъ и что долженъ отбрасывать*). Историкъ и поэтъ не тѣмъ различаются, что говорятъ одинъ мѣрною рѣчью, другой мѣрною: вѣдь сочиненіе Геродота можно было бы переложить въ метры, и все-таки въ метрѣ, какъ и безъ всякихъ нетровъ, была бы это исторія. Различаются они тѣмъ, что одинъ налагаетъ случившееся, а другой, что можетъ случиться. Поэтому поэзія глубже и значительнѣе исторія. Поэзія излагаетъ болѣе общее, исторія—частное. Общее есть: такому то лицу, что прилично говорить, либо дѣлать по вѣроятію, либо необходимости? Этого достягаетъ поэзія, изобрѣтая имена? Частное есть: что сдѣлалъ Алкявіадъ, или что съ нимъ случилось? На комедіи это очевидно: комики, составляя вымыселъ изъ вѣроятныхъ событій, даютъ имена произвольныя, а не занимаютъ... частностями. Что касается трагедіи... въ вѣкоторыхъ одно или два имени вѣрныхъ, прочія вымышлены; въ иныхъ ни одного извѣстнаго, какъ въ «Цвѣткѣ» Агафона: въ немъ я дѣйствія, в лѣва равно вымышлены, и тѣмъ не менѣе онъ нравится».

Ученый отдаетъ искусству справедливость до такой степени, что ставитъ его выше науки (правда, не своей спещальной науки). Явленіе замѣчательное... Но къ исторіи Аристотеля объ исторіи требуетъ объясненія: оно приложимо только къ тону виду исторія, который былъ извѣстенъ въ его время—это была не собственно исторія, а лѣтопись. У Геродота дѣйствительно нѣтъ никакой внутренней связи: всѣ девять книгъ его «Исторій» наполнены эпизодами; онъ хочетъ собственно писать исторію «войны персовъ съ греками»—и успѣваетъ начать рассказъ о ней только въ шестой книгѣ. Ему хочется поговорить обо всемъ, что только ему извѣстно изъ исторія и нравовъ знакомыхъ ему народовъ. Его методъ таковъ: персы воевали съ египтянами: поговоримъ о египтянахъ—и слѣдуетъ цѣлая книга о Египтѣ же; воевали они также со скиеами: поговоримъ о скиоахъ—и слѣдуетъ цѣлая книга о скиоахъ и Скиеіи. Въ каждомъ эпизодѣ у него опять новые эпизоды, влетенные почти такъ: у египтянъ главный городъ Мемфисъ—описаніе Мемфиса; я также былъ въ Мемфисѣ—описаніе того, что онъ видѣлъ въ Мемфисѣ; между прочимъ, былъ я тамъ въ одномъ храмѣ—описаніе храма; въ этомъ храмѣ видѣлъ я жреца—описаніе жреца и его одежды; жрецъ этотъ говорилъ со мною о томъ то—рассказывается, что говорилъ ему жрецъ; но другіе говорятъ объ этомъ не такъ—рассказывается, какъ говорятъ объ этомъ другіе, и т. д. и т. д. Геродотъ

разскащикъ, бывалый человѣкъ, и его исторіи похожа на простодушные, интересные, но безсвязные разсказы всѣхъ бывалыхъ людей. Фукидидъ — чисто-лѣтописецъ, правда ученый и глубокомысленный, но располагающій свою «Исторію Пелопоннесской войны» такимъ образомъ: въ шестую зиму войны произошло въ Атикѣ вотъ что; въ эту же зиму въ Пелопоннесѣ произошло вотъ что; въ то же время на Корцирѣ произошло вотъ что; во Эракіи произошло тогда же вотъ что; на Лесбосѣ—вотъ что и т. д. Въ слѣдующее за тѣмъ лѣто произошло въ Атикѣ то-то и то-то, въ Пелопоннесѣ то-то и то-то и т. д. У Фукидида еще меньше внутренней связи между разсказами, нежели у Геродота; даже ни одно событіе не разсказано за одинъ разъ: начало, середина и конецъ ого рабросаны въ разныхъ книгахъ по «зимамъ» и «лѣтамъ». Очень понятно, какъ много мелочнаго и рѣшительно ненужнаго для характеристики главнаго событія и главныхъ дѣятелей находится въ подобныхъ «исторіяхъ». Форму науки исторіи приняла только въ наше время; у новѣйшихъ великихъ историковъ всегда господствуетъ строгое единство: у нихъ не найдется ненужныхъ мелочей, приводятся факты и черты, только «имѣющіи общее значеніе», котораго требуетъ Аристотель, то-есть только необходимыми для характеристики вѣка и людей.

Эти выписки достаточно показываютъ проницательность и многосторонность аристотелева ума; но, при всей своей гениальности, часто онъ впадаетъ въ мелочность отъ вседневнаго своего стремленія найти глубокое философское объясненіе не только главнымъ явленіямъ, во и всѣмъ ихъ подробностямъ. Это стремленіе, выразившееся въ аксіомѣ одного новѣйшаго философа, соперника аристотелева: «все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйствительно», часто заставляло обонхъ мыслителей придавать важное значеніе мелочнымъ фактамъ только потому, что эти факты хорошо подходили подъ ихъ систему. Превосходный примѣръ этого представляетъ выписанное нами мѣсто изъ Аристотеля. Совершенно справедливо опредѣляя, что поэзіи изображаетъ не мелочи, а общее, характеристическое, въ чемъ находитъ Аристотель подтвержденіе своего понятія?— въ томъ, что комики всегда, а трагики иногда, даютъ характеристическія имена дѣйствующимъ лицамъ, т. е. и въ оставленномъ нивѣ обыкновенія выводить на сцену Вороватыхъ, Правдиныхъ, Прямоудовыхъ, Коршуновыхъ, Раздольяевыхъ (весельчаки), Бородкиныхъ (живущіе по старымъ обычаямъ), Стародумовъ и т. д.

На нѣсколькихъ страницахъ излагаемъ мы мнѣнія Платона и Аристотеля о «подражательныхъ искусствахъ», нѣсколько десятковъ разъ пришлось намъ употребить слово «подражаніе» и однако до сихъ поръ еще ни разу не встрѣтили читатели обычнаго выраженія «подражаніе природѣ» —отчего это? Неужели Платонъ и, особенно, Аристотель, учитель всѣхъ Ватте, Буало и Гораціевъ, поставляютъ сущность искусства не въ подражаніи *природѣ*, какъ привыкли всѣ ны дополнять фразу, говоря о теоріи подражанія? Дѣйствительно, и Платонъ и Аристотель, считаютъ истиннымъ содержаніемъ искусства, и въ особенности поэзіи, вовсе не природу, а *человѣческую жизнь*. Имъ принадлежитъ великая честь думать о главномъ содержаніи искусства именно то самое, что послѣ нихъ высказалъ уже только Лессингъ, и чего не могли понять всѣ ихъ послѣдователи. У Аристотеля въ «Поэтикѣ», нѣтъ ни слова о природѣ: онъ говоритъ о людяхъ, ихъ дѣйствіяхъ, событіяхъ съ людьми, какъ о предметахъ, которымъ подражаетъ поэзіи. Дополненіе: «природѣ» могло быть принято въ поэтикахъ только тогда, когда процвѣтала вялая

и фальшивая описательная поэзія (которая едва ли не грозит снова войти въ кодъ) и неразлучная съ нею дидактическая поэзія—роды, которые изгоняются Аристотелемъ изъ поэзіи. Подражаніе *природы* чуждо истинному поэту, главный предметъ котораго—человѣкъ. «Природа» выступаетъ на первый планъ только въ пейзажной живописи, и фраза «подражаніе *природы*» послышалась въ первый разъ изъ устъ живописца; но и живописецъ произнесъ ее не въ томъ смыслѣ, какой получила она у современниковъ Дезульеръ и Делила: когда Лизиппъ (разсказываетъ Плиній), еще будучи юношею, спросилъ у знаменитаго въ то время живописца Эвпомпа: кому изъ прежнихъ великихъ художниковъ надобно подражать? Эвпомпъ отвѣчалъ, указывая на толпу людей, среди которой они стояли: «не художникамъ надобно подражать, а самой природѣ». Ясно, онъ говорилъ о томъ, что живая дѣйствительность должна служить матеріаломъ и образцомъ для художника, а не о «садахъ», которые воспѣвалъ Делиль, и не объ «озерахъ», которые описывались Гордсвортомъ и Уильсономъ съ братією.

Изъ этого можно убѣдиться, что многія возраженія, дѣлаемыя противъ теоріи подражанія, относятся собственно не къ ней, а къ той искаженной формѣ, къ какой представляли ее теоретики псевдо-классической школы. Здѣсь не мѣсто высказывать личныя убѣжденія, и потому не будемъ доказывать, что по нашему мнѣнію, называть искусство воспроизведеніемъ дѣйствительности (замѣняя современнымъ терминомъ неудачно-передающее смыслъ греческаго *mimesis* слово «подражаніе») было бы вѣрнѣе, нежели думать, что искусство осуществляетъ въ своихъ произведеніяхъ нашу идею совершенной красоты, которой будто бы нѣтъ въ дѣйствительности. Но нельзя не выставить на видъ, что напрасно думаютъ, будто бы, поставляя верховнымъ началомъ искусства воспроизведеніе дѣйствительности, мы заставимъ его «дѣлать грубыя и пошлыя конія и изгоняемъ изъ искусства идеализацію». Чтобы не вдаваться въ изложеніе мнѣшій необщепринятыхъ въ нынѣшней теоріи, не будемъ говорить о томъ, что единственная необходимая идеализація должна состоять въ исключеніи изъ поэтическаго произведенія ненужныхъ для полноты картины подробностей, каковы бы ни были эти подробности; что если понимать подъ идеализацію безусловное «облагороженіе» изображаемыхъ предметовъ и характеровъ, то она будетъ равняться чопорности, надутости, фальшивому драматизированью. Но вотъ выписка изъ Аристотелевой «Піитики», доказывающая, что идеализація, даже въ послѣднемъ смыслѣ, очень хорошо можетъ входить въ систему эстетики, признающую основнымъ началомъ поэзіи подражаніе или воспроизведеніе:

«Такъ какъ трагедія есть подражаніе лучшимъ (*воспроизводитъ дѣйствія и приключенія людей съ великими, а не мелочными характеристиками, сказали бы мы теперь; но Аристотель говоритъ, увлекаясь Эсхиломъ и Софокломъ: людей, лучшихъ, нежели обыкновенные люди*), то должны (*трагики*) подражать хорошимъ портретамъ: они, передавая кого нибудь въ настоящемъ видѣ, дѣлаютъ портретъ похожимъ и виѣсть красивѣе. Такъ и поэту, когда онъ подражаетъ сердитымъ, лѣнивымъ и другіе недостатки въ характерѣ имѣющимъ (*т. е. воспроизводитъ ихъ характеры*), слѣдуетъ таковыхъ облагораживать».

«Распалась поэзія на два рода (говоритъ далѣе Аристотель), по характеру поэтовъ: люди солидные описывали высокія дѣла возвышенныхъ по характеру людей, и сначала писали гимны, потомъ трагедіи; люди легкомысленные описывали людей

«низких»: они сочиняли сначала ямбы (сатиры), потом комедии». Опять какая односторонность! Платону было простительно, говоря об отсутствии серьезного нравственного значения в произведениях искусства, не упомянуть нам о прекрасном исключении, о комедиях Аристофана—вражда Аристофана против Сократа извиняла молчание преданного ученика сократова. Но Аристотель, не могши иметь никакого горького воспоминания против Аристофана, также не хочет замечать высокого значения комедии.

Мысль, что «искусство состоит в подражании» живой действительности, и преимущественно воспроизводит человеческую жизнь, безпрокословно считалась справедливою в древней Греции. Платон и Аристотель одинаково полагали ее в основание своих эстетических понятий; они до того были уврены, как и все их современники, в неоспоримой истинности этого начала, что вездѣ высказывают его, как аксиому, не думая доказывать его. На чем же основано, что именем «платоновой» называют совершенно другую теорию искусства, решительно противоположную излагаемой Платоном—теорию, объясняющую начало искусства так: «идея прекрасного, присущая духу человеческому, не находя себя соответствия в удовлетворении в действительном мире, заставляет человека создавать искусство, в котором находит она себя полное осуществление»? И кто из мыслителей, в самом деле, первый высказал начало такой теории?

В первый раз «идеальное начало» искусства было высказано Платином. Одним из тех туманных мыслителей, которые называются неоплатониками. У них нет ничего простого, ясного—все таинственно, невыразимо; у них нет ничего положительного, действительного—все заоблачно и мечтательно; все их понятия... но мы ошибаемся: у них нет понятий, потому что понятие есть нечто определяющее, доступное простому уму; у них канія то грезы, которым нет нигде соответствующих предметов, которые постигаются только в состоянии экстаза, когда, посредством искусственного образа жизни, неестественного напряжения ума, человек погружается в таинственный мир, недоступный никаким чувствам. Грезы эти величественны, но величественны только для освободившейся от власти разеудка фантазии; малѣйшее прикосновение положительной, ясной мысли уничтожает их. Неоплатоники—люди, хотѣвшие соединить древнюю греческую философию с таинственными азиатскими философами, придать мечтам распаленной египетской и индѣйской фантазии форму науки; из этого соединения образовалось у них нечто болѣе странное и фантастическое, нежели самая индѣйская и египетская мудрость. Мысль, возникающая на такой заоблачной почве, едва ли может долго овладѣть положительными и свѣтлыми понятиями народов, у которых есть опытная наука, все подвергающая анализу. Но здѣсь не мѣсто излагать наши понятия об «идеальном началѣ» искусства: довольно и того, что мы сказали, как странен источник, из которого взято оно. Излагать идеи Платина о сущности прекрасного мы также не будем, отчасти уж потому, что излагать их значило бы почти тоже самое, что излагать господствующія нынѣ эстетическія начала. Впрочем, едва ли справедливо называем мы «современными» мнѣніе об идеальном началѣ искусства: та система понятий, которой онѣ принадлежали, уж оставлена всеми; она имѣла только переходное значение и нынѣ забыта вмѣстѣ с романтизмом, своим порождением. И если эстетическія понятия, разнесенныя по свѣту Шлегелями и их сподвижниками, приняты потом и их противниками, еще не

замѣнялись въ вѣдѣннхъ эстетикахъ другими понятіями, то это единственно потому, что нынѣшняя наука, обращенная на другіе вопросы, едва касалась эстетическихкихъ.

Неоплатонники передѣляли платонову философію на египетскій ладъ; но, будучи совершенно различно отъ платоновой философіи по своей сущности, ученіе ихъ сохранило черты наружнаго сходства съ нею. Вотъ причина, по которой Платону было приписано многое, вовсе ему неспривадающее, въ томъ числѣ и ученіе объ идеальномъ началѣ искусства. Его понятія о красотѣ, подъ вліяніемъ системы неоплатонниковъ, были смѣшаны съ понятіями его объ искусствѣ, между тѣмъ, какъ красоту видитъ онъ въ живой дѣйствительности, еще высшую красоту находитъ въ идеяхъ и поступкахъ мудреца; изъ послѣдняго очевидно, что его «прекрасное» вообще то, что мы въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ называемъ «прекраснымъ» (добродѣтель прекрасна; патриотизмъ—прекрасное чувство; прекрасно имѣть благородный образъ мыслей; цвѣтушій садъ прекрасенъ и т. д.), а не то «прекрасное», о которомъ говоритъ эстетика и которое состоитъ въ совершенствѣ матеріальной формы, воплѣтъ проявляющей свое внутреннее содержаніе.

Но возвратимся къ Аристотелю и его «Питикѣ». Въ ней, кромѣ изложеннаго нами ученія о происхожденіи искусства вообще, отъ котораго послѣдно переходитъ онъ къ спеціальному вопросу о трагедіи, мы находимъ еще довольно много мнѣній, имѣющихъ интересъ и для нашего времени. Скажемъ нѣсколько словъ о нихъ. Мнѣній же прилагающихся только къ греческой поэзіи, имѣющихъ теперь только историческое значеніе, мы не должны касаться по нашему плану; точно также должны мы пройти молчаніемъ множество прекрасныхъ мыслей о сущности драматической поэзіи поэтому что нынѣ ихъ справедливость извѣстна всѣмъ; и если нынѣшніе драматурги не всегда съ ними соображаются въ своихъ произведеніяхъ, то единственно по недостатку оныхъ, или искусства: такова, на примѣръ, мысль о томъ, что въ драмѣ (Аристотель говоритъ это о трагедіи) самое существенное—дѣйствіе, при недостаткѣ котораго пьеса непременно будетъ слаба, какъ бы ни велики были другія ея достоинства; требованіе, чтобъ въ пьесѣ господствовало строжайшее единство дѣйствія (считаемъ излишнимъ повторять давно всѣми высказываемую мысль, что, кромѣ единства дѣйствія, Аристотель не требуетъ никакихъ другихъ единствъ), и т. д.

Очень часто случается слышать мнѣніе, что событія изъ дѣйствительной жизни именно такъ, какъ случились, не должны быть изображаемы въ поэзіи; что, на примѣръ, историческій романъ долженъ непременно передѣлывать историческія событія по требованіямъ искусства, «потому что историческій фактъ, въ своей наготѣ, не имѣетъ никогда достаточнаго внутренняго единства и сцѣпленія между частями»—Аристотель приходитъ къ этому вопросу по поводу историческихъ трагедій, и рѣшаетъ его такъ: для поэзіи необходимо, чтобъ подробности дѣйствія вытекали необходимо одна изъ другой, и чтобъ ихъ сцѣпленіе было правдоподобно; нѣкоторымъ изъ дѣйствительно случившихся событій ничто не препятствуетъ удовлетворять этому требованію: все въ нихъ развилось по необходимости, и все правдоподобно—почему же не брать ихъ поэту въ ихъ истинномъ видѣ? Къ чему же, поелѣ этого, служить всѣ эти вымышленные герои, заслоняющіе настоящихъ героевъ и введенные только затѣмъ, чтобъ своими выдуманнми приключеніями «придать поэтическое единство» изображенію эпохи, какъ будто нельзя было

найти истинно поэтическихъ событій въ жизни настоящихъ героевъ романа? Но мода на историческіе романы прошла, и потому обратитъ наше замѣчаніе на рассказы и драмы изъ современнаго быта: къ чему это безцеремонное драматизированье дѣйствительныхъ событій, которое такъ часто встрѣчается въ романахъ и повѣстяхъ? Выберите связанное и правдоподобное событіе и расскажите его такъ, какъ оно было на самомъ дѣлѣ: если вашъ выборъ будетъ не дуренъ (а это такъ легко!), то ваша непередѣланная изъ дѣйствительности повѣсть будетъ лучше всякой передѣланной «по требованіямъ искусства», т. е., обыкновенно—по требованіямъ литературной эффектности. Но въ чемъ же тогда выкажется ваше «творчество»? — въ томъ, что вы сѣмѣете отдѣлать нужное отъ ненужнаго, принадлежащее къ сущности событій отъ посторонняго.

Фальшивое понятіе о необходимой связи между развязкою и завязкою, было источникомъ ложнаго понятія о сущности трагическаго въ нынѣшней эстетикѣ. Трагическое событіе обыкновенно представляютъ происходящимъ подъ влияніемъ какой то особенной «трагической судьбы», по которой сокрушается все великое и прекрасное. Аристотель, которому понятіе «рока» было гораздо ближе, нежели намъ, ничего не говоритъ о внимательствѣ судьбы въ участь героевъ трагедій. Но герои трагическіе обыкновенно погибаютъ? Это очоь просто объясняется у него тѣмъ, что трагедія имѣетъ цѣлью возбудить чувства ужаса и состраданія; а если развязка будетъ счастлива, то это впечатлѣніе будетъ сглажено ею, хотя бы и было пробуждено предыдущими сценами. Вы возразите, что лица, погибающія въ концѣ, представляются въ началѣ трагедіи мощными, счастливыми и т. д.? Это также просто объясняется у Аристотеля тѣмъ, что контрастъ поражаетъ сильнѣе однообразности: увидѣвъ здороваго—мертвымъ, счастливаго—погибающимъ, зрители сильнѣе проникаются ужасомъ и состраданіемъ, нежели тогда, когда этого контраста недостаетъ. И Аристотель совершенно справедливъ, не вводя «судьбы» въ понятіе трагическаго: эта внѣшняя, посторонняя сила только ослабляетъ внутреннюю связь событій, придавая имъ направленіе, не вытекающее изъ сущности дѣйствій—вотъ эстетическій вредъ «судьбы» въ трагедіи. Поэзіи должна изображать человѣческую жизнь—пусть же она не искажаетъ ея картинъ посторонними примѣсями.

Наконецъ, послѣднее замѣчаніе: главнѣйшую разницу между гомеровыми эпопеями и позднѣйшими трагедіями Аристотель поставляетъ только въ томъ, что «Иліада» и «Одиссея» гораздо длиннѣе трагедій и но имѣютъ такого строгаго единства дѣйствій, какое необходимо для трагедій: эпизоды въ трагедіяхъ неумѣстны, въ эпопеѣ не вредятъ красотѣ цѣлага. Но различія по направленію, по духу, по характеру содержанія, между трагедіями и гомеровыми поэмами, Аристотель не замѣчаетъ никакого (различіе въ способѣ изложенія, конечно, онъ видитъ очень хорошо). Напротивъ, онъ очевидно предполагаетъ существенную тождественность эпическаго и трагическаго содержанія, говоря, что языкъ «Иліады» или «Одиссеи» можно сдѣлать по нѣскольку трагедій. Надобно ли считать подосмотромъ Аристотеля несогласіе его въ этомъ случаѣ съ новѣйшими эстетиками, полагающими существенное различіе между содержаніемъ эпическимъ и драматическимъ? Можетъ быть; но скорѣе можно думать, что наши эстетики полагаютъ слишкомъ глубокое различіе, по содержанію, между эпическою и драматическою поэзіею, которая у грековъ, очевидно, различалась одна отъ другой болѣе формою, нежели содержаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, безпристрастно подумавъ объ этомъ вопросѣ (а наши эсте-

тики явно пристрастны къ драматической формѣ, «высочайшей формѣ поэзіи»), едва ли не должно будетъ заключить, что если многіе сюжеты повѣстей и романовъ негодятся для драмы, то едва ли есть драматическое произведеніе, сюжетъ котораго не могъ бы такъ же хорошо (или еще лучше) быть рассказанъ въ эпической формѣ. Да и то, что нѣкоторыя повѣсти и романы (очень хорошія, но мало заключающія въ себѣ дѣйствій и много лишнихъ эпизодовъ и разглагольствованій, чего, конечно, нельзя считать достоинствомъ и въ эпическомъ произведеніи) не могли быть обращены въ сносныя пьесы, не происходитъ ли главнымъ образомъ оттого, что скука—очень сносная, и отчасти даже пріятная наединѣ, въ удобные для этого часы, становится несносною, когда усиливается скукою тысячи слушающихъ, подобно вамъ, въ душевной атмосферѣ театра? Если присоединить къ этому десятки другихъ обстоятельствъ того же рода — наприѣръ, неудачность всѣхъ арранжировокъ вообще, упущеніе изъ виду, со стороны повѣствователя, всѣхъ сценическихъ условій, стѣснительность самой драматической формы—то увидимъ, что негодность для сцены многихъ пьесъ, передѣланныхъ изъ новостей, достаточно объясняется и безъ предположенія существеннаго различія между эпическими и драматическими сюжетами.

Къ «последнему» замѣчанію позволяемъ себѣ прибавить еще одно, уже рѣшительно последнее. Аристотель ставитъ трагиковъ выше Гомера и, признавая при всякомъ случаѣ всевозможныя достоинства въ его поэмахъ, находитъ, однако, что трагедіи Софокла и Эврипида несравненно художественнѣе ихъ по формѣ (и глубже по содержанію, могъ бы онъ прибавить). Не слѣдуетъ ли и намъ, по его прекрасному примѣру, безъ ложнаго подобострастія смотрѣть на Шекспира? Лессингу было естественно ставить его выше всѣхъ поэтовъ, существовавшихъ на землѣ, и признавать его трагедіи геркулесовыми столбами искусства. Но теперь, когда мы имѣемъ самого Лессинга, Гете, Шиллера, Байрона, когда прошли причины возставать противъ слишкомъ усердныхъ подражателей французскимъ писателямъ, стало, можетъ быть, уже не столь естественно отдавать Шекспиру безконтрольную власть надъ нашими эстетическими убѣжденіями, и, кстати и некстати, приводить въ примѣръ всего прекраснаго его трагедіи, находя въ нихъ все прекраснымъ. Вѣдь Гете признаетъ же «Гамлета» нуждающимся въ передѣлкѣ? И, можетъ быть, Шиллеръ не выказалъ неразборчивости вкуса, передѣлавъ, наравнѣ съ шекспировымъ «Макбетомъ», и расинову «Федру». Мы безпристрасны къ давно прошедшему: зачѣмъ же такъ долго медлить признавать и недавно прошедшее вѣкомъ высшаго, нежели прежде, развитія поэзіи? Развѣ ея развитіе не идетъ рядомъ съ развитіемъ образованности и жизни?

Мы старались показать, что, не смотря на односторонность нѣкоторыхъ положеній, мелочность многихъ фактовъ и выводовъ, и главнѣйшій недостатокъ—преобладаніе формализма надъ живымъ ученіемъ о прекрасномъ въ поэзіи, какъ слѣдствіи развитаго наукою таланта и благороднаго образа мыслей (требованія, гораздо сильнѣе высказанныя у Платона, нежели у Аристотеля) — что не смотря на всѣ эти недостатки, сочиненіе Аристотеля «О поэтическомъ искусствѣ» *) имѣетъ еще

*) Переводъ заглавія аристотелевой книги περί ποιητικῆς «О поэтическомъ искусствѣ». Подразумѣвая τέχνης (срав. заглавіе τέχνη ἱστορικῆ) мы считаемъ болѣе вѣрнымъ, нежели предлагаемый г. Ордынскимъ: «О поэзіи».

иного живаго значенія и для современной теоріи, и достойно было служить основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ эстетическихъ понятій до Вольфа и Баумгартена, или даже до Лессинга и Канта (теоріи Гогарта, Борка и Дидро не имѣли большаго значенія, встрѣтивъ мало сочувствія). Изъ этого очевидно, какъ прекрасно сдѣлалъ г. Ордынскій, рѣшившись усвоить русской литературѣ столь важное для науки сочиненіе. Дѣйствительно, едва ли можно было сдѣлать выборъ, болѣе счастливый. Точно такъ же вѣренъ былъ тактъ, руководившій г. Ордынского и при выборѣ предметовъ для прежнихъ сочиненій: о «Характерахъ Теофраста», «О комедіяхъ Аристофана»; точно такъ же прекрасно было и намѣреніе его перевести Гомера прозою—мысль чрезвычайно вѣрная въ своемъ основаніи, потому что самыя лучшія русскія гекзаметры—одежда все еще слишкомъ тяжелая и запутанная для Гомера, дѣтски простаго душою. Надобно отдать полную справедливость и добросовѣстности, съ которою занимался онъ каждымъ своимъ трудомъ. Такъ и въ новомъ его разсужденіи нельзя не видѣть труда, чрезвычайно добросовѣстно исполненнаго. Г. Ордынскій изслѣдовалъ текстъ аристотелевой «Піитики» съ примѣрною аккуратностью; воспользовался трудами всѣхъ лучшихъ издателей и комментаторовъ, съ истинною ученою скромностью указывая всегда, откуда что почерпнулъ; переводъ текста сдѣланъ по на-скоро, не кое-какъ: г. Ордынскій взвѣшивалъ каждое слово, обсуживалъ каждое выраженіе. Однимъ словомъ: переводъ и комментарий г. Ордынского удовлетворяютъ большей части условій, отъ которыхъ зависитъ достоинство труда. А между тѣмъ нельзя не предвидѣть, что его переводъ «Піитика» найдетъ себѣ довольно мало сочувствія даже въ той немногочисленной части публики, которая специально интересуется классическою литературою; другихъ читателей онъ рѣзительно оттолкнетъ. Да и комментарий г. Ордынского, составленный съ большинствомъ знаніемъ дѣла и вниманіемъ, едва ли принесетъ много пользы русскимъ читателямъ. Переводъ г. Ордынского очень тяжелъ и темонъ, а комментарий написанъ почти только въ доказательство личныхъ мнѣній переводчика, утверждающаго, что аристотелева книга «О поэтическомъ искусствѣ» дошла до насъ *вполнѣ*, а не въ отрывочномъ извлеченіи, какъ думаютъ обыкновенно, и что текстъ этого сочиненія, при извлеченіи, не испорченъ и не нуждается въ исправленіи. Къ изложенію этого вопроса мы теперь и должны приступить.

Нуждается ли въ исправленіи текстъ аристотелевой «Піитики»? Въ какой степени испорченъ текстъ аристотелевыхъ сочиненій — очень хорошо показываетъ даже не филологу судьба ихъ до того времени, когда они стали общезвѣстными, что случилось ужъ черезъ два съ половиною вѣка послѣ смерти Аристотеля. Эта исторія довольно занимательна, и потому перескажемъ ее въ нѣсколькихъ словахъ. Аристотель самъ при жизни не обнародовалъ своихъ сочиненій; по смерти его они перешли въ руки его ученика Теофраста, который также не обнародовалъ ихъ, можетъ быть, потому, что Аристотель, подобно Анаксагору, подвергся подъ конецъ жизни сильнымъ гоненіямъ за то, что отвергалъ многобожіе; думаютъ даже, что онъ этими преслѣдованіями принужденъ былъ отравить себя. Умирая, Теофрастъ передалъ ихъ Нелею Скепсійскому вмѣстѣ съ книгами аристотелевой бібліотеки. Нелей продалъ Аристотелеву бібліотеку египетскому царю Птолемею Филадельфу, но съ самыми сочиненіями Аристотеля не рѣшился разстаться: они остались у Нелея. Наслѣдники Нелея были новѣжды, вовсе не думавшіе пользоваться Аристотелемъ; но они слышали отъ Нелея, что книги эти чрезвычайно драгоценны; живя въ пергамскихъ

владѣнїяхъ, они опасались, чтобъ царя перганскіе, соперничествовавшіе съ Птоломеями въ заведенїи у себя такой же огромной и полной библіотеки, какъ александрійская, и повсюду отыскивавшіе книги, не взяли у нихъ даромъ, или за ничтожное вознагражденіе, этой драгоценности; надобно было утаить ее— и они спрятали аристотелевы сочиненія въ погребъ. Долго скрывались они тамъ. Наконецъ одинъ богатый воинскій библюфилъ, Апелликонъ Теосскій, узналъ случайнымъ образомъ, гдѣ аристотелевы сочиненія, и за большую цѣну купилъ ихъ. Это было уже во времена Митридата Великаго: слѣдовательно, въ сыромъ погребѣ онѣ должны были пролежать тѣтъ сто или полтора, если даже не болѣе. Апелликонъ нашелъ ихъ испортившимися отъ сырости погреба; кромѣ того, они были источены червями. Какъ велика должна была быть порча, можно вообразить, припомнивъ, сколько времени они подвергались ей. Привезши ихъ въ Аеины, онъ велѣлъ ихъ переписать, *дополняя* по догадкамъ мѣста, испортившіяся отъ сырости и червей. По завоеванїи Аоинъ Силлоу апелликонова библіотека была взята побѣдителемъ и перевезена въ Римъ. Жившій въ Римѣ ученый грекъ Тираншонъ получилъ отъ Силлы позволеніе пользоваться его библіотекою, и, нашедши тамъ аристотелевы сочиненія, сдѣлалъ съ нихъ нѣсколько списковъ, которые доставилъ, между прочимъ, Цицерону, Лукуллу и Андронику Теосскому. Андроникъ употребилъ все стараніе, чтобъ привести въ порядокъ доставшійся ему списокъ: разобралъ книги по содержанію, снова исправилъ текстъ, и въ его редакція аристотелевы сочиненія распространились между учеными. Надобно думать, что Апелликону достались вмѣстѣ съ оконченными сочиненіями и неоконченныя; по всей вѣроятности, было у Аристотеля и по нѣскольку различныхъ списковъ одного сочиненія въ различныхъ передѣлкахъ; вѣроятно, были въ томъ числѣ извлеченія, черновыя бумаги и т. д. Одно изъ такихъ извлеченій, или черновыхъ эскизовъ, по всей вѣроятности — и «Піитика», дошедшая до насъ. Этотъ разеказъ нѣкоторые ученые старались опровергнуть; но ихъ возраженія слабы, и онъ остается достовѣрнымъ. Итакъ, въ безпорядкѣ оставшіяся сочиненія Аристотеля, полусгнившія и источенныя червями, были два раза дополняемы и исправляемы. Можетъ ли послѣ этого подлежать сомнѣнію, что текстъ ихъ очень нуждается въ очищенїи и критическомъ исправленїи?

Дѣйствительно, аристотелевы сочиненія дошли до насъ въ чрезвычайно безпорядочномъ видѣ. Множество изъ нихъ погибло; другимъ неудачно составлены изъ безпорядочно собранныхъ частей, съ примѣсю писанныхъ на-черно эскизовъ, неоконченныхъ отрывковъ, извлеченій, подложныхъ отрывковъ. Чтобъ указать на разительный примѣръ, напомнимъ о характерѣ сборника, называющагося «Аристотелевой Метафизикой» и состоящаго изъ 14 книгъ. 2-я и 3-я изъ нихъ, по всей вѣроятности, не принадлежатъ Аристотелю; 1-я, если и принадлежатъ ему, то по нмѣтъ ничего общаго съ остальными. «Метафизика» начинается собственно только съ 4-й книги. 5-я также должна была составлять особенное сочиненіе, но ошибочно введена въ составъ «Метафизики». За 4-ю по внутренней связи непосредственно должна слѣдовать 6-я. 10-я — повтореніе 4-ой и 5-ой; это или извлеченіе, сдѣланное какимъ-нибудь читателемъ, или черновая рукопись, изъ которой произошли потомъ 4-ая и 5-ая книги; 11-ая и 12-ая заключаютъ въ себѣ много извлеченій изъ Аристотеля, съ прибавленіемъ чуждыхъ ему мыслей — онѣ также сборникъ, сдѣланный однимъ изъ читателей. Итакъ, изъ 14 книгъ «Метафизики», собственно принадлежатъ Аристотелю и составляютъ связное сочи-

невѣ только 4, 6, 7, 8, 9, 13 и 14 книги; остальные—или составлены изъ черновыхъ бумагъ, или извлеченія и компиляціи, составленныя изъ аристотелевыхъ сочиненій другими учеными, и не должны входить въ составъ аристотелевой «Метафизики». Многія изъ такъ называемыхъ «аристотелевыхъ сочиненій» рѣшительно во всемъ своемъ составѣ только извлеченія, сдѣланныя другими философами изъ его сочиненій; такъ, напримѣръ, «Большая Этика»—извлеченіе изъ его «Этики для Никомаха»; «О мнѣніяхъ Ксенофана, Зенова и Горгія»—собраніе отрывковъ, въ которыхъ именно о Ксенофанѣ и не говорится; «О направленіяхъ и иенахъ вѣтровъ» — отрывокъ изъ его сочиненія «О признакахъ бурь»; «Проблемы» — позднѣйшее извлеченіе изъ различныхъ его сочиненій; «Исторія животныхъ» въ 9 или 10 книгахъ (подлинность одной подлежитъ сомнѣнію)—отрывокъ изъ сочиненія, имѣвшаго по крайней мѣрѣ 50 книгъ; однимъ словомъ, половина, если не больше, аристотелевыхъ сочиненій, уцѣлѣвшихъ отъ гибели, дошла до насъ не въ полномъ и не въ настоящемъ своемъ видѣ.

Поэтому нисколько не удивительно, если мы должны будемъ и «Піитику» Аристотеля признать отрывочнымъ сокращеніемъ, или черновымъ эскизомъ, въ которомъ текстъ довольно сильно искаженъ. Не будемъ пускаться въ мелкія доказательства и неполноты текста; они встрѣчаются на каждомъ шагѣ: грамматическія ошибки, недомолвки, безсвязность въ сочетанія предложеній попадаютъ на каждой почти строкѣ: безпрестанно встрѣчаются такія мѣста: «мы здѣсь должны разсмотрѣть четыре случая», и разсматриваются только два или три изъ обѣщанныхъ четырехъ; такая критика, очень убѣдительная для филолога, была бы непонятна безъ длинныхъ грамматическихъ объясненій. Взглянемъ только на начало и конецъ дошедшей до насъ «Піитики»—и они ужъ даютъ возможность судить о ея полнотѣ. Въ самомъ началѣ своего сочиненія Аристотель говоритъ, что содержаніемъ ея будутъ: «эпопея, трагедія, комедія, диоирамбическая поэзія, авлетика и киноаристика» (различные роды лирической поэзіи съ музыкальнымъ аккомпаниментомъ), а въ дошедшемъ до насъ текстѣ говорится только о трагедіи, и очень мало объ эпопее. Ясно, что до насъ дошла только часть сочиненія. И дѣйствительно по цитатамъ изъ «Піитики» у другихъ писателей, мы знаемъ, что она состояла изъ двухъ (или даже трехъ) книгъ. Ясно, что до насъ дошла только часть первой книги, въ извлеченіи ли, сдѣланномъ другими, или въ набросанномъ на-черно эскисѣ. Оканчивается дошедшій до насъ текстъ предложеніемъ, въ которомъ стоитъ союзъ $\mu\acute{\epsilon}\nu$, необходимо требующій соответствующаго послѣдующаго предложенія съ союзомъ $\delta\acute{\epsilon}$. Чтобъ дать понятіе о необходимости этого дополненія въ греческомъ языкѣ и незнающимъ греческаго языка читателямъ, скажемъ, что соответствіе союзовъ $\mu\acute{\epsilon}\nu$ и $\delta\acute{\epsilon}$ можно уподобить соответствію словъ «съ одной стороны», «съ другой стороны», или «хотя—однако». Вообразимъ себѣ, что текстъ русской книги оканчивается такими словами: «вотъ что съ одной стороны надобно сказать о трагедіи»... не ясно ли, что текстъ этой книги остался безъ конца, и ближайшимъ продолженіемъ должны были быть слова: «а съ другой стороны»... Подобнымъ образомъ оканчивается дошедшій до насъ греческій текстъ аристотелевой «Піитики» *); ясно, что здѣсь оканчивается только одно отдѣленіе книги, и дальше слѣдовало другое отдѣленіе о другомъ родѣ поэзіи—вѣроятно, о комедіи.

*) $\text{Περὶ μὲν οὖν τῆς τραγῳδίας εἰρήσθη τοσαῦτα.}$

Итакъ, основная мысль разсужденія г. Ордынскаго: «Пятика Аристотеля дошла до насъ вполне и текстъ оя не нуждается въ исправленіи» едва ли можетъ быть признана правдоподобною, а въ доказательство ея написанъ весь комментарий. Поэтому пользоваться имъ будетъ неудобно.

Точно также и его переводъ аристотелева текста, вѣроятно, принесъ бы гораздо больше пользы, еслибъ не отличался столь же сильныиъ стремленіемъ къ оригинальности въ языкѣ, какъ отличается его комментарий стремленіемъ къ оригинальности въ мнѣніяхъ. Изъ небольшихъ выписокъ, нами приведенныхъ, читатели, конечно, замѣтили, что г. Ордынскій перевелъ Аристотеля языкомъ очень тяжелымъ и темнымъ. Мы не говоримъ чтобъ аристотелю «Пятику» прочла вся русская публика, какъ бы ни былъ изященъ и легокъ языкъ перевода, но все-таки она въ изящноиъ переводѣ нашла бы довольно много читателей; а переводъ г. Ордынскаго едва ли привлечетъ многихъ; онъ испытаетъ участь очень дѣльныхъ переводовъ Мартынова, которые остались ни кѣиъ не читаны—именно по темнотѣ и тяжеловатости языка. Зачѣиъ же г. Ордынскій далъ намъ такой неудобочитаемый переводъ, когда въ томъ же самомъ разсужденіи слогомъ своего комментарія показываетъ онъ, что умѣетъ писать языкомъ очень понятнымъ и довольно легкимъ? Онъ говоритъ въ предисловіи, что старался перевести какъ можно ближе къ подлиннику—прекрасно! но, во-первыхъ, всему остъ предѣлы, и заботиться о буквальности перевода съ ущербомъ ясности и правильности языка, значить вредить самой точности перевода, потому что ясное въ подлинникѣ должно быть ясно и въ переводѣ; иначе къ чему же и переводъ? Во-вторыхъ, переводъ г. Ордынскаго, правда, очень близкій, вовсе, однакожъ, не можетъ назваться подстрочнымъ: въ немъ очень часто два слова подлинника переводятся однимъ, одно—двумя словами, даже и тамъ, гдѣ можно было перевести слово въ слово. Но отступая отъ подлинника далѣе, нежели отступаетъ г. Ордынскій, можно было дать переводъ ясный и удобочитаемый. Не слишкомъ стѣснительная близость къ подлиннику, а оригинальныя понятія г. Ордынскаго о русскомъ слогѣ причиною недостатка его перевода. Онъ стремится къ какой-то изысканной простонародности языка, умышленно не соблюдаетъ правилъ языка литературнаго, старается не употреблять словъ его, любить слова устарѣлыя или мало употребительныя. Къ чему это? Пишите, какъ всеиъ принято писать; и если у васъ есть живая сила простоты и народности въ слогѣ, то она сама-собою, безъ всякой преднамѣренной погони, придастъ вашему слогу простоту и народность. Всякое преднамѣренное стремленіе къ оригинальности имѣетъ слѣдствіемъ вычурность; и намъ кажется, что труды г. Ордынскаго сохраняя все свое неотъемлемое достоинство, будутъ гораздо болѣе читаемы и, слѣдовательно, принесутъ гораздо болѣе пользы, если онъ откажется отъ притязаній на оригинальность языка, рѣшительно не нужныхъ для ученаго.

Конечно, мы высказываемъ эти замѣчанія только потому, что, уважая полезную дѣятельность г. Ордынскаго, желаемъ его трудамъ пріобрѣтать больше и больше сочувствія въ русской публикѣ. Простимся же съ нашимъ молодымъ ученымъ—конечно не надолго—съ желашемъ, чтобы русская литература навсегда сохранила въ немъ дѣятеля по части греческой филологіи столь же добросовѣстнаго и трудолюбиваго, какимъ былъ онъ до сихъ поръ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Справочный Энциклопедическій Словарь, издающійся подъ редакціей *А. Старневскаго*. Томъ третій *В. и Г.* Санктпетербургъ. 1854.

Долгъ безпристрастія обязываетъ насъ сказать, что *вышедшій* на дняхъ *третій* томъ *Справочнаго Словаря* достоинствомъ своимъ несравненно выше, нежели *седьмой* томъ этого изданія о которонъ отдали мы отчетъ въ 7 книжкѣ *Отеч. Записокъ* нынѣшняго года. Высказать это убѣжденіе намъ очень пріятно. Менѣе пріятно то, что мы принуждены не ограничиться такою похвалою, а также объяснить источникъ превосходства третьяго тома надъ седьмымъ. Источникъ этотъ — *Энциклопедическій Лексиконъ* г. Плюшара!

Послѣ того, какъ мы видѣли, что *цѣлая* половина текста въ седьмомъ томѣ *Справочнаго Словаря* перепечатана изъ *Военно-энциклопедическаго Лексикона* покойнаго барона Зедделера (хотя объ этомъ и не упомянуто ни полусловомъ) и послѣ того, какъ разборъ перваго тома *Справочнаго Словаря*, помѣщенный въ свое время въ нашемъ журналѣ (*Отеч. Зап.* 1847 г. № 8) обнаружилъ огромность перепечатокъ въ этомъ словарѣ изъ *Энциклопедическаго Лексикона*, мы не могли не ожидать, что въ третьемъ томѣ *Справочнаго Словаря* бѣольшая половина текста будетъ взята изъ соотвѣтствующихъ ему томовъ плюшаровскаго изданія, которое достигало буквъ *В. и Г.* Но мы никакъ не могли ожидать, чтобъ *почти весь* текстъ третьяго тома *Справочнаго Словаря* перепечатанъ былъ изъ *Энциклопедическаго Лексикона*. (Само собою разумѣется, что объ этомъ также не упомянуто въ немъ ни однимъ словомъ). Предѣлы заимствованія оказались на этотъ разъ такъ велики, что третій томъ *Справочнаго Словаря* нельзя не назвать *безпримѣрнымъ* явленіемъ.

Для сравненія, беремъ *IX* томъ *Лексикона* г. Плюшара, начинающейся статью *Варшевицкій*, раскрываемъ третій томъ *Справочнаго Словаря* на соотвѣтствующемъ мѣстѣ алфавита (стр. 66) и просматриваемъ *всѣ* безъ исключенія статьи этого послѣдняго изданія, сличая ихъ съ *Энциклопедическимъ Лексикономъ*... Повторяемъ, мы не пропускаемъ *ни одной* статьи *Справочнаго Словаря* при нашемъ сличенія.

Варшквцкій; Вараго-Руссы; Варооломеевская ночь; Вароолоней (*апостоль*); Василевскій; Василепотаность (*Энци. Лекс. Василепотанонъ*); Василискъ; Василій *Македонянинъ*; Василій. Блаженный (въ *Энци. Лекс.* Христа ради юродивый); Василій Васильевичъ Темный; Василій Великій; Василій-Гавриилъ Іоаввовичъ; Василій Гюргиевичъ (*Юревичъ*) Косой; Василій Дмитриевичъ; Василій Іоанновичъ Шуйскій...

Весь этотъ рядъ статей, идущій отъ 66 до 86 стр. *Справочнаго Словаря* перепечатанъ изъ *Энциклоп. Лексикона*.

Далѣ слѣдуютъ статья *Василія Блаженнаго церковь* (25 строкъ); ея ны не нашли въ *Энциклоп. Лексиконѣ*.

Василь; Васильевскій островъ; Васильевъ (*Алексѣй Ивановичъ*)—(1¹/₂, стр.) также взяты изъ *Энциклоп. Лексикона*.

Васильевъ (*Михаилъ Николаевичъ*)—одинъ столбецъ занятый формулярнымъ спискомъ; статья, перепечатанная изъ *Энциклоп. Лексикона*.

Васильковъ—изъ *Энциклоп. Лексикона*; конецъ статьи, содержащей въ себѣ описаніе Васильковского Уѣзда (16 строкъ) взять не изъ *Энциклоп. Лексикона*. Васильчиковъ (*Иларіонъ Васильевичъ*)—формулярный списокъ (1¹/₂, столбецъ), также не изъ *Энциклоп. Лексикона*.

Васильчиковы; Васко-де-Гама; Вассалъ; Вассианъ (*Косой*); Вассианъ (*Рыло*); Васыль-Эфенди; Вата; Ватерлоо; Ватерпасъ; Ватиканъ; Вато; Ваханскія горы: Валлеръ; Вахангъ (*Вахтангъ I, Вахтангъ III, Вахтангъ VI*); Вашингтонъ (*Георгъ*); Вашингтонъ (*городъ*); Вводъ во владѣше; Веберъ; Веве; Вецтабиты; Веда, Веды, Вджевудъ—15 страницъ, перепечатаны изъ *Энциклоп. Лексикона*.

Везенбергъ—также; но окончаніе статьи—описаніе уѣзда (1¹/₂, столбца) прибавлено.

Везеръ; Везувій; Веймарское великое герцогство—также перепечатаны изъ *Энциклоп. Лексикона*...

Остановимся на этомъ. Рядъ статей *Справочнаго Словаря*, здѣсь нами означенный, занимаетъ 40 страницъ и 1¹/₂ столбца (66—107 стр.) въ *Справочномъ Словарѣ*. Изъ нихъ четыре съ половиною столбца или двѣ страницы и полстолбца не перепечатаны; остальные тридцать восемь страницъ съ половиною перепечатаны изъ *Энциклопедическаго Лексикона!*

Однако не вездѣ отношеніе цифръ такъ неблагопріятно для самостоятельности *Справочнаго Словаря*. Развернемъ его на страницѣ 201 и попробуемъ продолжать сличеніе. Мы увидимъ, что на 32 страницахъ (Виндзоръ—Виртембергское королевство) (до 233) находятся не менѣе *четырехъ* статей, именно: Винцингродк, Виньи, Вармо, Виртембергскаго герцога каналь, составляющихъ въ сложности около 5¹/₂ столбцовъ, не перепечатанныхъ изъ *Энциклопедическаго Лексикона*. Кромѣ того, къ статьѣ *Винниша*, перепечатанной оттуда же, прибавлены 31 строка (описаніе уѣзда), такъ что всего не перепечатанный изъ *Энциклопедическаго Лексикона* текстъ равняется 6 столбцамъ или пѣлымъ тремъ страницамъ. Наконецъ нельзя не прибавить, что маленькія статьи *Виноградъ* и *Винодѣліе*, занимающія немного менѣе одной страницы, не буквально перепечатаны, а скомпилированы изъ большихъ статей *Энциклопедическаго Лексикона*. Поэтому въ числѣ *тридцати двухъ* страницъ (201—233) находится не менѣе *четырехъ* страницъ не перепечатанныхъ изъ *Лексикона* г. Плюшара, и не менѣе *шести съ половиною* статей, надъ составленіемъ которыхъ трудилась редакція *Справочнаго Словаря*. За это конечно можно извинять ей то, что остальные *двадцать восемь* страницъ сличаемаго нами отрывка перепечатаны изъ *Энциклопедическаго Лексикона*.

Оттуда же взяты статьи: Виндзоръ; Винды; Винетта; Винкельманъ; Винкельридь; Виниппегъ; Винный камень; Вино; Виноградное садоводство; Винокаменная кислота; Винтеръ; Винчи; Виньола; Вира; Виргилій; Виртембергскій (*герцогъ*); Виртембергское королевство.

Подъ перепечаткою ны здѣсь понимаемъ именно только перепечатку въ строжайнѣйшій смыслъ, совершенно буквальной, напримѣръ:

Энциклопедическій Лексиконъ.

Варнiewiczki, Станиславъ, Warszewiczki, одинъ изъ первыхъ основателей иезуитскаго ордена въ Польшѣ, родился въ 1527, и происходилъ отъ знатной фамилии. Онъ окончилъ науки въ Виттенбергѣ у знаменитаго Меланхтона и, пробывъ у него три года, едва не пристрастился къ лютеранскимъ мнѣнiямъ, и т. д.

Справочный Словарь.

Варнiewiczki, (Stauslaw Warszewiczki), одинъ изъ первыхъ основателей иезуитскаго ордена въ Польшѣ, родился 1527. и происходилъ отъ знатной фамилии. Онъ окончилъ науки въ Виттенбергѣ у Меланхтона и пробывъ у него три года, едва не пристрастился къ лютеранскимъ мнѣнiямъ... п т. д.

Исправленiе ограничивается, какъ видите, только провращенiемъ виттенбергскаго университета въ виртенбергское королевство... Промахъ пзвинпительный. Представимъ еще два или три примѣра:

Энциклопедическій Лексиконъ.

Василискъ. Древнiи писатели представляли подъ именемъ Basiliscus et Regulus согопatus небольшого крылатаго дракона, или змiю съ короною на головѣ, и полагали, что это животное однимъ взглядомъ или выдыхаемымъ изъ себя воздухомъ убиваетъ человѣка и разныхъ животныхъ; само же истребляется, увидѣвъ себя въ зеркалѣ, и т. д.

Справочный Словарь.

Василискъ. Древнiи писатели представляли подъ именемъ Basiliscus et Regulus согопatus небольшого крылатаго дракона или змiю съ *холомъ* на головѣ и полагали, что это животное однимъ взглядомъ или выдыхаемымъ изъ себя воздухомъ убиваетъ человѣка и разныхъ животныхъ; само же истребляется, увидѣвъ себя въ зеркалѣ, и т. д.

Вассiанъ Рыло, архiепископъ Ростовскiй, имя неразлучное съ памѣтiю освобожденiя Россiи отъ Монголовъ. Вассiанъ становится извѣстенъ въ лѣтописяхъ въ савѣ игумена, и т. д.

Вассiанъ (Рыло), архiепископъ Ростовскiй, имя неразлучное съ памятью освобожденiя Россiи отъ Монголовъ. Вассiанъ становится извѣстенъ въ лѣтописяхъ, въ савѣ игумена, в т. д.

Ватерлоо. Сраженiе при Ватерлоо (18 июля нов. стiля 1815) Пруссаки называютъ сраженiемъ при Бель-Аллиансѣ, а Французы при Монъ-Севъ-Жанѣ. Послѣ побѣды надъ Брюхеромъ при Ливнѣ Наполеонъ, и т. д.

Ватерлоо. Сраженiе при Ватерлоо (18 июля нов. стiля 1815) Пруссаки называютъ сраженiемъ при Бель-Аллиансѣ, а Французы при Монъ-Севъ-Жанѣ. Послѣ побѣды надъ Брюхеромъ при Ливнѣ Наполеонъ, и т. д.

Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что третiй томъ *Справочнаго Словаря*, составивъ такимъ образомъ 450 или 475 страницъ (изъ 506 своихъ страницъ) посредствомъ перепечатки изъ *Энциклопедическаго Лексикона*, могъ бы гордиться многими прекрасными статьями, слѣдъ онѣ въ немъ не были искажены произвольными сокращенiями, отнимающими часто всякiй смыслъ у разсказа или описанiя. Въ примѣръ этой порчи укажемъ на всѣ превосходныя статьи по русской исторiи, написанныя для *Энциклоп. Лексикона* Д. И. Языковымъ. Безъ всякаго вниманiя, сокращенный до третьей или четвертой части своего первоначальнаго объема, онѣ лишались въ *Справочномъ Словарѣ* связности разсказа, а часто и исторической вѣрности.

Нельзя не замѣтить, однакожь, что, кромѣ вычеркиванья, *Справ. Словарь* оставляетъ въ перепечатываемыхъ статьяхъ все неизмѣненнымъ. Онъ даже не осмѣливается прикасаться къ цифрамъ народонаселенiя и т. п. въ географическихъ статьяхъ. Поэтому продолжаетъ онъ въ 1854 году считать въ Виртомбергскомъ

Королевствѣ 1,587,444 жителей, какъ считалъ за 17 лѣтъ предъ симъ X томъ *Энциклопедическаго Лексикона*, изданный въ 1837 году, хотя не далѣе, какъ въ *Мѣсяцословѣ на 1854 годъ* могъ бы *Справочный Словарь* легко найти другую цифру; точно также продолжаетъ онъ показывать по своему оригиналу 1837 года нынѣшнее число жителей въ русскихъ городахъ (хотя современные числа могъ бы найти онъ въ томъ же *Мѣсяцословѣ на 1854 годъ*), продолжаетъ выставлять число фабрикъ, заводовъ, и т. д., какое было въ 1837 году, хотя оно съ того времени въ большей части уѣздовъ нашихъ удвоилось и утроилось. Послѣ этого неудивительно, если біографія всѣхъ современныхъ государственныхъ людей останавливается въ *Справочномъ Словарѣ* на 1835 году, какъ остановилась въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ*. Послѣ этого мы были въ правѣ удивиться, найдя въ статьѣ *Веллингтонъ* указаше, что этотъ полководецъ скончался. Это *единственное* свѣдѣніе, какое *Справочный Словарь* ямбеть о немъ, какъ и о всѣхъ другихъ современникахъ съ 1835 года.

Но почерпая весь свой составъ изъ *Энциклопедическаго Лексикона*, третій томъ *Справочнаго Словаря* выбираетъ статьи изданія г. Плюшара для перепечатки очень неудачно. Такъ, напримѣръ, заимствовавъ изъ X-го тома *Энциклопедическаго Лексикона* около ста статей, *Справочный Словарь* помѣщаетъ маловажныя: Вестергесъ (*шведскій городъ*), Вяка (*кормовая трава*), Вилла-Адриана, Вильгольмгеге (*увеселительный замокъ въ Гессенѣ*), Вильямсъ (*англійская писательница*, «издавшая на англійскомъ языкѣ книжку стихотвореній») и т. д. и не почитаетъ достойными помѣщеніями слѣдующія статьи: Вестерботнія, Вестрисъ, Ветуриш (*мать Кюриолана*), Веониль, Визирь (!), Викрамадвтія Вильгардуэнъ, Вилларъ, Вильневъ (*французскій адмиралъ, начальствовавшій флотомъ при Трафальгарѣ !*), Винцкитій, или Венсенъ де Поль (!), Виргинія (! *римлянка*), Виргшнія (! *штатъ Сѣверной Америки*) Вирсавш (*жена Урін*), Вителлій (!), Витербо, Витигесъ, Витторія (! *битва при Витторіи*), Виченца, Виоезда, (!), Вивсаида, Власа (*авторъ Магабхараты*) и множество другихъ все менѣе важныхъ... Нельзя не сказать, что половина заимствованныхъ статей маловажна, а половина важнѣйшихъ оставлена безъ вниманія.

Въ заключеніе можемъ только повторить, что III томъ *Справочнаго Словаря*, перепечатавшій девятнадцать-двадцатыхъ частей своего текста изъ одного изданія, столь общензвѣстнаго, какъ *Энциклопедическій Лексиконъ*, явленіе очень странное...

Пѣсни разныхъ народовъ. Переводъ Н. Берга. Москва, 1854.

На первый взглядъ книга г. Берга поражаетъ своею огромностью: форматъ ея болѣе формата *Отечественныхъ Записокъ*, толщина равняется двумъ книжкамъ толстаго журнала, соединеннымъ вмѣстѣ; но едва развернете *Пѣсни разныхъ народовъ*, какъ увидите, что массивность изданія — чисто вѣшняя, кажущаяся—замѣтите, что, при меньшей щедрости на бѣлую бумагу, всѣ пѣсни, переведенныя г. Бергомъ, удобно могли бы помѣститься въ очень небольшомъ томикѣ. Огромность придается изданію отчасти широтою полей вокругъ маленькой стра-

ныцы текста, отчасти тѣмъ, что каждое отдѣленіе книги (а ихъ въ книгѣ двадцать пять) отдѣляется отъ предъидущаго и слѣдующаго нѣсколькими листами заглавій, примѣчаній (ограничивающихся двумя тремя строками, и одвакожь занимающихъ особенный листъ), ссылокъ и указаній (такого же объема); отчасти, наконецъ, тѣмъ, что г. Бергъ, вмѣстѣ съ своими переводами, напечаталъ и текстъ переведенныхъ имъ пѣсенъ.

Мы говоримъ прежде всего о наружномъ видѣ книги г. Берга потому, что въ предпріятіяхъ подобнаго рода величина заслуги тѣсно связана не только съ удачнымъ исполненіемъ, но и съ обширностью труда. Перевести сотни народныхъ пѣсенъ, выбравъ изъ поэзіи каждаго народа столько и такихъ характеристичныхъ пѣсенъ, чтобъ читатель знакомился посредствомъ ихъ съ духомъ народной поэзіи того или другаго племени—былъ бы трудъ въ высшей степени замѣчательный и полезный. Набрать наудачу по нѣскольку пѣсенъ малорусскихъ, французскихъ, еербскихъ и т. д., и набрать такъ, чтобъ эта коллекція нисколько не характеризовала поэзіи народа, у котораго взяты пѣсни—дѣло также не дурное, но едва ли заслуживающее названіе труда особенно важнаго и полезнаго. Предупредивъ читателей, что, повидимому огромная книга г. Берга — въ сущности незначительная книжка, составленная наудачу, можемъ свободнѣе высказать свое мнѣніе о достоинствахъ ея.

Г. Бергъ, очевидно, любитъ народныя пѣсни — это прекрасно; онъ переводилъ ихъ съ любовью—это превосходно. И такъ, полная признательность ему за чувства, которыми онъ былъ одушевленъ въ своемъ трудѣ. Но, кромѣ любви къ дѣлу, нужно еще имѣть правильныя понятія о томъ, что дѣлать, и умѣнье исполнить задуманное — качества рѣшительно необходимыя для того, чтобъ дѣло вышло хорошо.

Г. Бергъ думалъ, что ему надобно трудиться надъ отыскиваніемъ пѣсенъ, собирать никому неизвѣстное, невѣдомое въ ученomъ мѣрѣ, заботиться о новомъ, рѣдкомъ, неслыханномъ. «Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ мы записываемъ и издаемъ пѣсни (говорить онъ). Но все еще вовъ и незнакомъ для насъ этотъ мѣръ: все еще робко и неохотно приближаемся мы къ пѣснѣ, какъ будто чего-то боямся и подозрѣваемъ обманъ и наводненіе (мнмоходомъ замѣтимъ, что это совершенно несправедливо: въ хорошихъ сборнвкахъ народныхъ пѣсенъ никто не подозрѣваетъ поддѣлки или «обмана и наводненія»; поэтому никто и не «боится» ими пользоваться). Мы записали то, что было сподручно, что относилось къ народамъ, которые къ намъ поближе и пользуются нашимъ сочувствіемъ (замѣтимъ, что записывать африкавскія и американскія пѣсни—не наше дѣло; довольно, если каждый народъ будетъ заботиться о томъ, что ближе въ нему; такъ дѣлаютъ русскіе, и благоразумно дѣлаютъ: чуждое намъ — чужое, а не наше дѣло); но что тамъ (курсивъ въ подлинникѣ) въ отдаленныхъ или не такъ взвѣстныхъ уголкахъ Европы—о другихъ частяхъ свѣта и не говорю—это не извѣстно никому (неужели же русскіе собиратели обязаны записывать исландскія или португальскія пѣсни? да—по мнѣнію г. Берга): спросите зяаетъ ли кто, какая пѣсня сложилась на далекомъ, таинственномъ островѣ Исландіи? (какъ не знать? всякій знаетъ, кто интересуется Исландіею или хоть читалъ Мармье). Меня всегда яптересовали эти забытые, отдаленные утолки. Какъ иной ботаникъ за рѣдкимъ растеніемъ, хотѣлъ я проникнуть въ эти тундры за рѣдкою пѣсней».

И такъ г. Бергъ старался собирать *рѣдкія* пѣсни. Зачѣмъ же это было нужно? И то ли было нужно? Дѣло надобно было понять гораздо проще. Русская публика охотно познакомилась бы съ пѣснями племенъ, замѣчательныхъ богатствомъ своей народной поэзіи; русскому читателю было бы очень пріятно прочесть переводъ лучшихъ сербскихъ, греческихъ, испанскихъ и т. д. народныхъ пѣсень: у всѣхъ этихъ народовъ есть хорошіе сборники; поэту, который захотѣлъ бы удовлетворить погрѣбности русской публики, пополнить пробѣлъ въ русской литературѣ, не нужно было производить никакихъ поисковъ, не было никакой надобности тратить время и изнурять силы, стараясь «проникнуть въ тундры»: ему предстояло только пользоваться богатою жатвою (продолжая аллегорію г. Берга) ужь собранную въ очень доступныя, прекрасно устроенныя житницы. Надобно было взять лучшіе сборники и выбирать изъ нихъ лучшее, важнѣйшее, замѣчательнѣйшее, но не по рѣдкости, а по внутреннему достоинству, по характеристичности и эстетической красотѣ. Излишно объяснять, что у народовъ, которыхъ поэзія заслуживаетъ особеннаго вниманія, есть хорошіе сборники пѣсень, и что человѣку, живущему не только въ Москвѣ или Петербургѣ, но даже въ Кіевѣ, Казани, Харьковѣ, очень легко имѣть въ рукахъ всѣ эти сборники. Тому, кто хотѣлъ бы познакомить русскую публику съ «пѣснями разныхъ народовъ», замѣчательныхъ своими пѣснями, надобно только выбирать, а не собирать, переводить, а не записывать. Намъ нужно собраніе пѣсень, а не коллекція рѣдкостей. Г. Бергъ поступилъ иначе: онъ искалъ диковинокъ, а не достопримѣчательностей. Что легко достается, то не имѣетъ для него особенной цѣны. Оттого ему не нужны пѣсни итальянскія, шотландскія, ирландскія, нѣмецкія— что въ нихъ диковиннаго? за ними не нужно «проникать въ тундры»; слѣдственно, въ его сборникѣ нѣтъ для нихъ мѣста. Этого мало. Отъ желанія искать рѣдкое, г. Бергъ рѣдко пользуется хорошими сборниками пѣсень даже тѣхъ народовъ, которые обратили на себя его вниманіе. Онъ преимущественно обращается къ своимъ знакомымъ, вѣроятно въ надеждѣ найти у нихъ чтонибудь неизданное, неизвѣстное. Такъ санскритскій гимнъ «сообщенъ ому г. Коссовичемъ», хотя безпокоить когонибудь въ этомъ случаѣ не было никакой необходимости: десятки и сотни санскритскихъ гимновъ можно было найти въ общезвѣстныхъ изданіяхъ, и тогда легко было бы не ограничиваться однимъ гимномъ, ничего не характеризующимъ, а представить нѣсколько гимновъ, которые давали бы понятіе о санскритской поэзіи; малороссійскія пѣсни также «сообщены г. Бергу лично г. Мавсимовичемъ»; надырскія «получены имъ отъ г. Штура»; финскія «сообщены Я. К. Гротомъ» и т. д., какъ будто нѣтъ хорошихъ сборниковъ всѣхъ этихъ пѣсень.

Въ заключеніе г. Бергъ проситъ всѣхъ, у кого только есть рѣдкія пѣсни, присылать ихъ ему—азіатскія съ подстрочнымъ переводомъ, европейскія, пожалуй, и безъ перевода. Желаніе не только безполезно, но прямо вредное для составителя сборника замѣчательныхъ пѣсень, а не пѣсень никому неизвѣстныхъ. Г. Бергъ сравниваетъ себя съ ботаникомъ, проникающимъ въ тундры. Если бы Линней только странствовалъ по тундрамъ, ему были бы неизвѣстны липа и дубъ; онъ не имѣлъ бы понятія о пшеницѣ и горохѣ, которыя можно найти только въ мѣстахъ общезвѣстныхъ и общедоступныхъ; горбарій г. Берга ограничивается мхами...

Любовь къ рѣдкостямъ заставила г. Берга вмѣстѣ съ переводами печатать и оригинальный текстъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же не курьезно прочесть на одной страницѣ:

«Въ темницѣ важккъ молодой
Сидвтъ, ва свой ударъ лихой, — (бретонск.).

а на другой, en regard:

«Floc'hig ar roue zo bac'het
Abalamour d'eunn tol neuz gret».

или на одной страницѣ:

«Xantorriak berririk
Alegrentcias émanik» и т. д.

а на другой:

«За пѣсни я свова
И пѣсня готова» и т. д. (баскск.).

Еще курьезнѣе покажутся читателямъ, не видавшимъ восточныхъ шрифтовъ, арабскія фигурки; еще курьезнѣе калмыцкіе крючочки, строки которыхъ идутъ не какъ у насъ, поперегъ страницы, а сверху внизъ — любопытное зрѣлище! Но, говоря серьезно, кому нужны эти тексты? Неужели мы будемъ учиться по книгѣ г. Берга бретонскому или татарскому языку? А люди, знакомые съ этими языками, конечно, не нуждаются въ нѣсколькихъ строкахъ, напечатанныхъ г. Бергомъ: для знающаго онѣ неинтересны, потому что неважны. А какихъ трудовъ стоило вѣроятно, г. Бергу достать и напечатать эти тексты! Сколько времени потрачено на поправку корректуры, или на прискиванье знающихъ корректоровъ! Еще бесполезнѣе было обременять книгу сербскими, малорусскими, лужицкими и т. д. текстами: они въ рукахъ у исѣхъ, сколько нибудь интересующихся народною поэзіею вообще. Но быть можетъ, тексты напечатаны для того, чтобъ читатель, знающій тотъ пли другой языкъ, могъ удобнѣе сличить переводъ съ оригиналомъ и удостовѣриться въ точности перевода? Ниже мы увидимъ, что г. Бергъ, мало заботился о точности перевода; кромѣ того, за вѣрность многихъ переводовъ онъ не можетъ ручаться, потому что они сдѣланы не прямо съ подлинника: даже Меццофантн не могъ знать всѣхъ языковъ, встрѣчаемыхъ нами въ сборникѣ г. Берга, и издатель самъ объясняетъ, что восточныя пѣсни должны быть доставляемы ему «съ подстрочнымъ переводомъ». Нѣтъ, приложешіе токстовъ просто слѣдствіе того, что г. Бергъ дорожилъ всѣмъ диковиннымъ. Всѣ подробности его сборника исполнены этого пристрастія, о которомъ мы, конечно, и не говорили бы, еслибъ оно, отвративъ вниманіе г. Берга отъ существенной цѣли предпринятаго имъ изданш, не повредило достоинству и полезности труда.

Существенное достоинство сборника зависѣло отъ внимательнаго выбора лучшихъ, замѣчательнѣйшихъ пѣсенъ cadaго народа и отъ возможно вѣрнаго перевода. Съ этихъ сторонъ трудъ г. Берга рѣшительно неудовлетворителенъ. Вотъ образцы перевода. Избираемъ языки, наиболѣе извѣстные:

«Ой, поихавъ въ Московщиву
Козакъ молодецькій,
Орижове сиделечко
И кинь (комъ) вороненьій

«Овъ въ Мосвовщиву поѣхаль,
Загремтъль подковой;
Воронъ вонь, арчакъ дубовый
Поводокъ шелковый

(Малорусск. стр. 20—21).

Ой, вовю пія вороненькій,
А де твій павъ молоденьтій?
Чи ты бо въ війську згубивъ,
Чи ты ёго нидъ себе збивъ?
(Малорусск. 26—27).

Choć by was to było, jak na nogzu
pianu,
Nie było, nie będzie jak moj Jaś ko-
chanu
*Cadet Rousselle ne mourra pas
Car avant de sauter le pas
On dit qu'il apprend l'orthographe,
Pour faire lui même son épitaphe*
(Франц. 540—541).

Гдѣ же, конь лихой,
Господин-ать твой?
Аль въ бою сложилъ
Буйну голову,
Али въ полъ ты
(Обронилъ его?)
Выбрать мнѣ не долго изъ полку лю-
бого,
Да не будетъ Ваня у меня другого!
(Польск. 134—135).

*Ахъ, умирать теперь онъ хочетъ
Объ эпитафии хлопочеть
Да ни окончилъ и досель
Знать не умретъ* Каде-Руссель!

Читатели видать, что г. Бергъ не переводить, а передѣлываетъ; нельзя ска-
зать, чтобъ его передѣлки часто очень неудачныя, не бывали иногда и удачны;
г. Бергъ, когда захочетъ, можетъ владѣть стихомъ. Но вообще народныхъ пѣсенъ
нельзя передѣлывать. Объ этомъ напрасно и разсуждать въ наше время.

«Что касается моихъ переводовъ вообще (говорятъ г. Бергъ), разумѣется, я
старался сдѣлать ихъ какъ можно ближе къ подлинникамъ, но держался правилъ,
которыя указалъ мнѣ опытъ. Не важенъ стихъ, а важенъ духъ, важенъ результатъ
впечатлѣнія. Кому нужно слѣдить за кистью портретиста и повѣрять, тутъ ли она
положила красную краску, тутъ ли бѣлую? Нужно, чтобы сказали, когда портретъ
конченъ — *это онъ!* Въ народномъ языкѣ всего нужнѣе свобода слова; нужно,
чтобъ все было народно, чтобъ ничто чужое не останавливало, не цѣпляло. Лучше
пропустите слово, стихъ, цѣлую строфу, чѣмъ выражать ихъ въ чуждомъ образѣ».

Однимъ словомъ г. Бергъ хочетъ, чтобъ пѣсни всѣхъ народовъ въ переводѣ
становились русскими пѣснями; чтобъ въ нихъ не оставалось ничего чуждаго. Такъ
переводилъ Дюкся Шекспира, Попе—Гомера, ломая, выпуская, вставляя, чтобъ
приноровить въ своему вкусу... если не ошибаюсь, никто не хвалитъ ихъ за это.
И напрасно г. Бергъ вдаль въ передѣлываніе пѣсенъ: владѣя гибкимъ стихомъ,
онъ могъ бы передать пѣсни очень вѣрно. Теперь онъ сдѣлалъ изъ своихъ переводовъ
нѣчто непохожее ни на русскія пѣсни, ни на оригинальныя того или другаго народа.
«Кому нужно слѣдить за кистью портретиста и повѣрять, тутъ ли она положила
красную краску, тутъ ли бѣлую? Нужно, чтобъ сказали, когда портретъ конченъ:
это онъ!» Но какъ же скажутъ: *это онъ*, если «кисть портретиста положить»
на губахъ бѣлую краску, а на бѣлкахъ глазъ красную? Что за переводъ если про-
пущены стихи и цѣлыя строфы?..

Теперь должно сказать нѣсколько словъ о выборѣ или, какъ говорится,
„подборѣ“ пѣсенъ. Въ санскритскомъ, баскскомъ, армянскомъ, калмыцкомъ отдѣ-
лахъ помѣщено по одной пѣснѣ, въ моравскомъ, албанскомъ, арабскомъ— по двѣ,
въ персидскомъ — три двустихія: что они характеризуютъ? Можно ли по этимъ
тощимъ представителямъ сколько нибудь познакомиться съ духомъ санскритской и
т. д. народной поэзіи? Г. Бергъ помѣстилъ ихъ въ качествѣ рѣдкостей, отыски-
ваніе которыхъ не оставило ему времени позаботиться о лучшемъ подборѣ пѣсенъ
въ другихъ отдѣлахъ. Всѣ пѣсни, повторяемъ, взяты на удачу, какіи попадались;
замѣчательнаго, обрисовывающаго характеръ поэзіи у извѣстнаго народа не ищите

ни въ одномъ отдѣлѣ; напротивъ, именно лучшія и самыя характеристичныя пѣсни пропущены, какъ недостойныя вниманія. Такъ въ малорусскомъ отдѣлѣ не переведено ни одной изъ знаменитыхъ „думъ,“ вообще не переведено ни одной пѣсни изъ числа извѣстныхъ по художественности. Въ чешскомъ отдѣлѣ нѣтъ не *Любушина Суда*, ни пѣсенъ *Краледворской рукописи*; въ сербскомъ, изъ эпическихкихъ пѣсенъ выбрана сама ничтожная, безцвѣтная, хоти самая растянутая, занимающая около пятидесяти блѣдныхъ и утонительныхъ страницъ; изъ испанскихъ романсовъ о Сидѣ выбранъ только одинъ, и то самый незамѣчательный; впрочемъ, и всего испанскихъ пѣсенъ помѣщено только три. Въ самыхъ обильныхъ отдѣлахъ число ихъ доходить до тринадцати, одиннадцати, десяти, большею частью маленькихъ—говоримъ это, чтобъ напомнить незначительность труда—и неважныхъ въ какомъ отношеніи. Вообще ни одинъ отдѣлъ не даетъ намъ понятія о поэзш народа, которому принадлежать пѣсни, въ немъ помѣщенныя.

Мы находимъ, что трудъ г. Берга задуманъ подъ вліяніемъ превратныхъ понятій о его цѣли и существенныхъ достоинствахъ; что при исполненіи г. Бергъ, съ одной стороны, странными понятіями о томъ, какъ должно переводить народныя пѣсни, съ другой, небрежностью и неудачностью выбора сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобъ отнять всякое достоинство у своего сборника. Но не все было можно испортить. Онъ хорошо владѣеть стихомъ, и потому не могъ не перевести нѣкоторыхъ пѣсенъ удачно. Рѣже случалось, что ему попадались, въ числѣ неинтересныхъ, дѣйствительно прекрасныя пѣсни, но и это случалось... что не бываетъ на свѣтѣ и въ книгахъ! Такимъ образомъ изъ 556 страницъ его книги можно отыскать двадцать или тридцать прекрасныхъ, еще двадцать или тридцать интересныхъ. Совершенный недостатокъ въ русской литературѣ сборниковъ, подобныхъ *Писнямъ разныхъ народовъ*, придаетъ изданію г. Берга даже нѣкоторую важность; наконецъ любовь къ своему дѣлу, съ чрезвычайнымъ жаромъ высказывающаяся въ длинномъ предисловіи, заставляетъ насъ кончить желаніемъ, чтобъ г. Бергъ въ дальнѣйшихъ переводахъ своихъ, внимательнѣе познакомившись съ характеромъ лучшихъ подобныхъ сборниковъ въ разныхъ литературахъ и усвоивъ себѣ правила, которыми руководствовались ихъ составители, далъ русской литературѣ книгу, достойную похвалы не только по любви автора къ своему дѣлу, во и по прекрасному исполненію дѣла.